Ю
14415
Государственная
Ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
38022-46
И 371/1348

ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ РОССІИ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

М. И. ВЕНЮКОВА.

Во всемірной исторіи, особенно же въ лѣтописяхъ востока, немного найдется событій такого глубокаго значенія, какъ поступательное движеніе Россіи въ Средней Азіи, совершившееся въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій и, конечно, еще не вполнѣ заключенное. Съ точки зрѣнія естественной исторіи человѣка, это движеніе можно назвать возстановленіемъ или распространеніемъ господства арійской расы въ странахъ, которыя долгое время были подъ владычествомъ народовъ тюркскаго и монгольскаго корня. Въ смыслѣ экономическомъ, оно представляетъ собою послѣдовательное водвореніе общечеловѣческихъ бытовыхъ потребностей и европейскихъ способовъ къ ихъ удовлетворенію въ странахъ, гдѣ тысячелѣтія прошли безъ перемѣнъ въ совершенно азіатской бытовой обстановкѣ людей, ихъ вкусахъ и пріемахъ промышленности. По отношенію къ нравственности, законодательству и религіи, это есть новый шагъ къ расширенію области христіанства, къ замѣнѣ гуманными его началами началъ мусульманскаго изувѣрства, и слѣдовательно къ освобожденію человѣческой личности отъ поглощенія ея узкими требованіями ислама. Для науки и людскаго образованія, русское движеніе не только открыло новый, не изслѣдованный край, но и положило прочное начало къ развитію общечеловѣческихъ знаній въ средѣ насе-

ленія его, дотолѣ совершенно невѣжественнаго. Въ смыслѣ гражданскаго благоустройства, народы Средней Азіи отнынѣ могутъ считать себя въ періодѣ такого же сближенія съ передовыми націями, какъ съ начала нашего вѣка кавказскія племена и съ конца прошлаго индусы. Наконецъ въ политическомъ смыслѣ успѣхи наши въ Средней Азіи также важны: для самой Россіи, — какъ постепенное сближеніе съ естественными предѣлами, наиболѣе для нея выгодными, для Азіи — какъ завершеніе подчиненія почти половины ея власти одной націи, и для человѣчества вообще — какъ движеніе одного могущественнаго европейскаго народа на встрѣчу другому, уже захватившему богатѣйшія страны востока и опасающемуся за потерю въ нихъ своей власти. Попробуемъ изложить здѣсь наиболѣе выдающіеся факты, которыми сопровождается это русское движеніе во всѣхъ исчисленныхъ отношеніяхъ.

Извѣстно, что современныя антропологія и сравнительная филологія признаютъ родиною арійскихъ, или индо-европейскихъ народовъ горныя страны по верховьямъ Инда и Окса. Отсюда арійскіе предки наши распространились, съ одной стороны, на югъ, въ Индостанъ, гдѣ оттѣснили тамульцевъ, а съ другой, на сѣверо-западъ, въ Иранъ, на Кавказъ и въ Европу, гдѣ, благодаря исключительно-благопріятнымъ условіямъ этой части свѣта, получили особенно высокое промышленное и умственное развитіе. Если мы нынѣ станемъ слѣдить за разселеніемъ людей въ названныхъ странахъ, то увидимъ, что, начиная отъ предѣловъ Кашмира, можно черезъ Дардистанъ, Читралъ, Бадакшанъ, Балхъ, Гератъ, Персію, Кавказъ, южную Россію, Австрію, Италію, южную Францію и Испанію, пройдти до самыхъ западныхъ предѣловъ стараго свѣта, не выступая изъ полосы арійскаго населенія. Но нѣчто другое представится нашему взору, если, въ нашемъ движеніи къ западу, мы изберемъ путь не южнѣе, а сѣвернѣе Каспійскаго моря. Тутъ послѣ дардовъ, ваханцевъ, гальчей и таджиковъ, занимающихъ сравнительно небольшое пространство въ горахъ Верхней Азіи, мы вступимъ надолго въ земли, занятыя народами монголо-турецкими, каковы узбеки и киргизы, и только на берегахъ Урала снова встрѣтимъ индо-европейское населеніе, да и то смѣшанное. Между тѣмъ путь сѣвернѣе Каспія, совершенно открытый, т. е. не прегражденный ни горами, въ родѣ Кавказа, ни водоемами, въ родѣ Чернаго моря и Архипелага, былъ вѣроятно главнымъ путемъ при движеніи арійцевъ на западъ, въ Европу, и если нынѣ мы находимъ тутъ

перерывъ, то онъ обусловленъ исторіею. Народы монголо-тюркскіе, въ нѣсколько пріемовъ спускавшіеся съ большаго нагорья восточной Азіи въ среднеазіятскія страны, вытѣснили оттуда первоначальныхъ обитателей, совсѣмъ или отчасти, и стали обладателями почвы отъ береговъ Оби и Иртыша до Хорасана, Гиндукуша и Гималая. Здѣсь не мѣсто слѣдить, какъ совершалось это движеніе. Довольно будетъ напомнить, что оно тянулось много вѣковъ, начиная съ эпохи великаго переселенія народовъ до завоеваній Чингизъ-хана и движеній кочевниковъ въ прошломъ и даже въ нынѣшнемъ столѣтіяхъ. Но для насъ важенъ тотъ фактъ, что, въ настоящее время, между арійскими горцами Гиндукуша и Памира, съ одной стороны, и жителями береговъ Урала и Иртыша, съ другой стороны, т. е. тамъ, гдѣ до начала девятнадцатаго вѣка вовсе не было связующихъ членовъ арійской семьи, явился такой связующій этнографическій членъ. Мало того, эта роль цемента досталась русскимъ, т. е. націи господствующей въ политическомъ и интеллектуальномъ смыслѣ. И хотя рознь между русскимъ народомъ и таджиками, гальчами, ваханцами, кафиръ-сіягпушами, дардами и пр. велика; но уже одинъ взглядъ на словари, собранные у послѣднихъ народцевъ англійскими путешественниками (Борнсомъ, Кенингэмомъ, Дрью и Лейтнеромъ), показываетъ, что мы идемъ тутъ на встрѣчу народамъ родственнымъ, съ которыми сближаютъ насъ (сверхъ общности расы) сходство облика и даже нѣкоторыя историческія преданія. Греческая цивилизація, какъ извѣстно, коснулась верховьевъ Окса еще за 1200 лѣтъ до начала русскаго государства, и современные государи Дарваза, Шигнана и Вахана гордятся своимъ происхожденіемъ отъ Александра Великаго; отъ грековъ же, хотя другой эпохи, приняли многіе зачатки гражданственности и мы.

Какой реальный этнографическій смыслъ будетъ имѣть это „возвращеніе“ части славянъ въ сосѣдство къ ихъ доисторической родинѣ—трудно теперь сказать. Очень можетъ быть, что религіозная рознь помѣшаетъ образованію въ Туркестанѣ многочисленной смѣшанной породы арійско-русской. Но уже то важно, что отнынѣ туземные арійцы Средней Азіи выходятъ изъ-подъ зависимости монгольскихъ узбековъ, что передъ ними открывается лучшая будущность. Если раса ихъ не утратила благороднѣйшихъ качествъ бѣлаго племени, то она можетъ еще играть въ исторіи немаловажную роль. Не забудемъ притомъ, что племенная рознь даже между долго жившими вмѣстѣ таджиками и уз-

беками доселѣ не стерлась, что первые ненавидятъ послѣднихъ и рѣдко съ ними вступаютъ въ браки. Они, кромѣ того, воспріимчивѣе къ образованности и болѣе развиты умственно, чѣмъ узбеки, какъ это хорошо выяснилъ одинъ изъ лучшихъ практическихъ знатоковъ Средней Азіи, Гребенкинъ. Умѣнье поставить себя такъ, чтобы эта рознь служила нашимъ національнымъ интересамъ и вообще интересамъ цивилизаціи, много можетъ облегчить сложную задачу, возложенную на Россію въ Средней Азіи. Но не безъ сожалѣнія должно признаться, что пока въ этомъ направленіи у насъ ничего не сдѣлано. Нѣтъ даже словарей таджикскаго и гальчинскаго нарѣчій, и никто изъ русскихъ ученыхъ, посѣщавшихъ Туркестанъ, не далъ себѣ труда выслѣдить степень родства арійской части его обитателей, хотя бы съ славянами и литовцами, не говоря уже про германцевъ и кельтовъ. Никто также не поднялъ вопроса о томъ, чтобы русскому населенію, мало-по-малу проникающему въ Среднюю Азію, разрѣшено было, нисколько не возбраняемое каноническими правилами и здравымъ смысломъ, вступленіе въ браки съ туземцами, что дало бы возможность множеству мужской молодежи, привлекаемой въ Туркестанъ военною службою, по окончаніи ея обзаводиться тамъ же семействами и мало-по-малу создать, быть можетъ, такую же превосходную породу людей, какую мы встрѣчаемъ на берегахъ Терека, гдѣ, въ теченіи долгаго времени, русскіе казаки женились на дочеряхъ кавказскихъ горцевъ. Мы не англичане, которые стараются въ Индіи отнюдь не смѣшиваться съ туземною расою и которые за то, рано или поздно, могутъ заплатить потерею этой страны, гдѣ у нихъ не будетъ *родственныхъ* связей; наша сила, напротивъ, въ томъ и состояла доселѣ, что мы ассимилировали покоренные народы, дружелюбно сливаясь съ ними. Желательно, чтобы этотъ историческій выводъ не былъ забытъ и въ будущемъ, особенно же съ приходомъ нашимъ на верховья Аму-дарьи, гдѣ намъ нужно будетъ создать вполнѣ русскую украйну, какъ единственную гарантію прочности нашего положенія въ Туркестанѣ.

Впрочемъ, оставимъ въ сторонѣ соображенія о будущей этнографической физіономіи Средней Азіи и посмотримъ, что уже сдѣлано нами для упроченія нашего собственнаго племеннаго господства въ этой обширной странѣ. До двадцатыхъ годовъ нашего вѣка русскіе вовсе не поселялись за Ураломъ и Иртышемъ, и отъ того тогда зависимость отъ насъ киргизовъ, номинально

подвластныхъ съ 1732 года, была почти мнимою. Мало-по-малу однако же колонизаціонное движеніе въ степь началось и нынѣ достигло уже значительныхъ результатовъ. Цѣлый рядъ русскихъ поселеній основался въ степяхъ и даже въ недавно покоренныхъ осѣдлыхъ частяхъ Туркестана. Эти русскія поселенія могутъ быть подведены подъ три главные типа: степныя укрѣпленія, казачьи и крестьянскія земледѣльческія колоніи и торговыя слободы при нѣкоторыхъ городахъ, населенныхъ туземцами. О значеніи первыхъ сказать почти нечего. Въ лучшихъ случаяхъ значеніе укрѣпленій поддерживалось въ теченіе лишь немногихъ лѣтъ, пока какое-нибудь изъ нихъ служило опорнымъ пунктомъ для дѣйствій нашихъ отрядовъ; обыкновенно же степныя укрѣпленія были просто этапами или передовыми постами, которыхъ основаніе обусловливалось временными военными потребностями, а поддержка больше всего интересовала ихъ строителей и подрядчиковъ по продовольствію гарнизоновъ. Въ наше время, т. е. послѣ подпаденія власти или вліянію Россіи Кокана, Хивы и самой Бухары, многія изъ этихъ укрѣпленій, напр. Масше, Уильское, Карабутакъ и пр., утратили всякое значеніе и зачѣмъ существуютъ — намъ неизвѣстно. Вѣроятно, они будутъ мало-по-малу упразднены во избѣжаніе напрасныхъ издержекъ казны и отчасти даже вреднаго вліянія на судьбу ихъ обитателей, солдатъ, и окрестныхъ туземцевъ, киргизовъ, систематически отъ нихъ удаляющихся, чтобы не быть жертвами произвола мелкихъ военныхъ начальниковъ.

Другой разрядъ русскихъ осѣдлостей — казачьи и крестьянскія деревни — есть, безъ сомнѣнія, самый полезный для упроченія русскаго могущества въ Средней Азіи и для пріобщенія ея народовъ къ интересамъ мирной, цивилизованной жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда выборъ мѣстъ для этихъ селеній былъ правильно соображенъ со свойствами страны и экономическими потребностями ея кореннаго населенія, образовались истинные центры для цивилизаціи номадовъ, какъ Вѣрный, Акмоллы и Каркаралы. Но бывали конечно случаи—и нерѣдкіе,— что русское населеніе водвореніемъ своимъ не только не оживляло мѣстной промышленности и торговли, а напротивъ стѣсняло ихъ. Такъ напр. основаніе Аягуза заставило торговцевъ, ходившихъ съ караванами изъ Чугучака въ Каркаралы, измѣнить свою дорогу въ обходъ этой русской осѣдлости. И когда мѣстныя власти, для устраненія этого неудобства, перенесли колонію на новую дорогу,

то купцы вернулись на старый путь. Еще болѣе неудачный примѣръ русской колонизаціи въ степяхъ представляетъ заселеніе въ 1840 годахъ восточной, зауральской части нынѣшней Оренбургской губерніи. Здѣсь колонисты-казаки лишили киргизъ множества лучшихъ кочевокъ, и сами обѣднѣли на столько, что теперь наилучшимъ исходомъ для нихъ было бы новое переселеніе куда-нибудь на югъ, въ плодородныя части Туркестанскаго края. Общее число земледѣльцевъ-казаковъ въ пяти степныхъ областяхъ, Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской нынѣ достигаетъ до 505,000 душъ, но собственно въ степяхъ за Ураломъ и Иртышемъ, на пространствѣ 40,000 кв. миль, живетъ не свыше 60,000 д., распредѣленныхъ притомъ очень неравномѣрно. Наиболѣе густое казачье населеніе встрѣчается на сѣверѣ этихъ степей, около Ишима и Тобола, и лишь въ одномъ мѣстѣ на югѣ, именно въ Заилійскомъ краѣ, встрѣчается снова подобная сосредоточенность, впрочемъ очень небольшаго числа казаковъ. На остальномъ протяженіи степныхъ равнинъ, особенно оренбургскаго вѣдомства, осѣдлыхъ казаковъ почти нѣтъ. Такимъ образомъ это военно-земледѣльческое сословіе, историческимъ призваніемъ котораго всегда было охранять границы государства, нынѣ живетъ очень далеко отъ этихъ границъ, продолжая впрочемъ ходить туда на службу изъ-за многихъ сотенъ и даже тысячъ верстъ [1]). Это показываетъ, что вопросъ о средне-азіатскомъ казачествѣ рано или поздно долженъ будетъ подлежать разсмотрѣнію въ правительственныхъ сферахъ, и очень возможно, что часть казаковъ, наиболѣе удаленная отъ границъ, вернется въ гражданское состояніе, а другая подвинется къ югу. По крайней мѣрѣ это было бы раціонально и съ военно-политической точки зрѣнія, и съ государственно-хозяйственной.

Свободная земледѣльческая колонизація, т. е. крестьянская, на всемъ протяженіи русскихъ владѣній въ Средней Азіи еще весьма незначительна. Больше всего она развилась въ Семирѣчьѣ, и, быть можетъ, въ состояніи будетъ утвердиться въ бассейнѣ Сыра, если удастся оросить Мурзарабатскую степь, а также въ Кульджинскомъ округѣ, если онъ будетъ наконецъ объявленъ русскимъ владѣніемъ. Что касается торгово-промышленныхъ

---

[1]) Отъ Омска до Ташкента 2.400 в., до Кокана 2.600, отъ Верхнеуральска до Самарканда 2.300 в., до Петро-Александровска 1.800 верстъ.

слободъ или русскихъ кварталовъ въ Ташкентѣ, Самаркандѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, то, какъ ни быстро развернулись эти колоніи, онѣ пока не представляютъ чего-либо прочнаго, постояннаго. Въ случаѣ какой-либо политической неудачи Россіи въ Средней Азіи, онѣ столь же быстро изчезнутъ, потому что населеніе ихъ чисто наплывное, случайное и перемѣняющееся въ своемъ составѣ. Въ Ташкентѣ была сдѣлана недешево стоившая попытка упрочить тамъ пришлый русскій элементъ предоставленіемъ разныхъ льготъ и субсидій русскимъ домовладѣльцамъ; но результаты оказываются невполнѣ удовлетворительными, потому что выстроенные напр. чиновниками дома продавались нерѣдко, при отъѣздѣ строителей изъ Ташкента, мѣстнымъ сартамъ. Да и вообще водвореніе въ городахъ вновь завоеванной страны однихъ чиновниковъ и купцовъ не можетъ служить прочнымъ залогомъ присоединенія этой страны: иначе бы Англія нисколько не боялась за свое преобладаніе въ Индіи.

Такимъ образомъ, обозрѣвъ вкратцѣ русскія поселенія въ Средней Азіи, мы видимъ, что число ихъ очень ограниченно и что, слѣдовательно, до племеннаго преобладанія надъ туземцами русскимъ еще далеко. Можно даже думать, что это преобладаніе никогда не достигнется, потому что свободныхъ, годныхъ для культуры, земель уже почти нѣтъ [1]). Остается еще разъ пожелать, чтобы это преобладаніе было достигнуто инымъ путемъ, чѣмъ переселеніемъ издалека русскихъ семейныхъ колонистовъ, а именно мирною замѣною части туземнаго населенія смѣшанно-русскимъ, что, какъ мы замѣтили, могло бы совершиться чрезъ водвореніе тѣхъ молодыхъ мужчинъ, которые, будучи разъ привлечены въ Среднюю Азію службою, пожелали бы жениться на мусульманкахъ и остаться въ странѣ навсегда. Этимъ путемъ мало-по-малу измѣнился бы скудный процентъ русскаго населенія, который теперь едва простирается въ Семирѣченской области до 5%, а въ Сыръ-дарьинской области, Ферганской, отдѣлахъ Самаркандскомъ и Аму-дарьинскомъ до 2% и даже менѣе, до 0,5%.

Признавая невполнѣ удовлетворительною современную русскую колонизацію въ Средней Азіи по числу колонистовъ и порядку ихъ разселенія, мы не должны однако забывать, что и это малое число, благодаря своей высшей культурѣ, можетъ оказы-

[1]) Ихъ, впрочемъ, можно до нѣкоторой степени создать вдоль Сыръ-дарьи, распустивъ часть ея воды въ оросительныя канавы.

вать и дѣйствительно уже оказываетъ сильное вліяніе на преобразованіе физіономіи всей страны, если не въ этнографическомъ, то въ экономическомъ и политическомъ смыслѣ. Начнемъ наши замѣчанія съ фактовъ перваго рода. До водворенія русскихъ въ киргизскихъ степяхъ, населеніе послѣднихъ въ экономическомъ смыслѣ тяготѣло гораздо болѣе къ Бухарѣ, Кокану и Хивѣ, чѣмъ къ сосѣднимъ частямъ Россіи. Почти вся торговля внутри степей находилась въ рукахъ сартовъ изъ Бухары и Ташкента. Имъ киргизы сбывали свой скотъ, шерсть и кожи, отъ нихъ получали предметы одежды, посуду, сѣдла, ковры и все остальное, что нужно въ ихъ скудномъ быту. Даже русскіе товары изъ Оренбурга, Троицка и Петропавловска шли въ степи и далѣе въ Туркестанъ постоянно черезъ посредство среднеазіятскихъ купцовъ, которые такимъ образомъ были почти монополистами на томъ рынкѣ, гдѣ Россія, по положенію своему, должна преобладать. Основаніе нѣсколькихъ передовыхъ русскихъ осѣдлостей, какъ Баянъ-аулъ, Акмоллы, Копалъ, Вѣрный, положило конецъ этому порядку въ степной полосѣ Средней Азіи. Русскіе торговцы проникли въ глубь степей и вошли въ непосредственныя сношенія съ киргизами, которыхъ экономическая зависимость отъ Россіи чрезъ то усилилась въ ущербъ связей съ среднеазіятскими ханствами. — Другимъ важнымъ экономическимъ послѣдствіемъ водворенія русскихъ колоній среди киргизовъ было пріученіе ихъ къ хлѣбу и распространеніе среди ихъ земледѣлія, насколько оно возможно въ сухихъ, маловодныхъ пустыняхъ. Справедливо замѣчаютъ всѣ знакомые съ жизнью номадовъ, что какъ только они привыкаютъ къ хлѣбу, такъ зависимость ихъ отъ сосѣднихъ осѣдлыхъ народовъ становится безвозвратною. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ наше время уже весь киргизскій народъ считаетъ хлѣбъ предметомъ первой необходимости; однакоже значительное число передовыхъ, т. е. зажиточныхъ и сколько-нибудь образованныхъ киргизовъ уже питается хлѣбомъ и даже сѣетъ его (главнымъ образомъ просо, пшеницу, ячмень). Въ Кокчетавскомъ округѣ султанъ Валихановъ, въ Семипалатинскомъ Букашъ, и многіе другіе, представляютъ убѣдительные примѣры тому, какъ жизнь исключительно кочевая уступаетъ, гдѣ только можетъ, осѣдлой или полуосѣдлой, даже у природныхъ номадовъ, искони презиравшихъ земледѣльческій трудъ. Эти два важныя послѣдствія водворенія русскихъ въ степяхъ Средней Азіи кажутся намъ важнѣйшимъ залогомъ мирной исторической будущности ко-

чевниковъ, которой столь противоположно ихъ тревожное прошлое. Если бы тѣснота рамокъ этой статьи не препятствовала намъ входить въ мелкія подробности, мы могли бы привести много статистическихъ данныхъ объ успѣхахъ земледѣлія во всей Средней Азіи, куда только проникла русская власть; но ограничимся указаніемъ на „Туркестанскій Ежегодникъ“, гдѣ приведено немало любопытныхъ свѣдѣній о хлѣбопашествѣ около Перовска и въ Семирѣчьѣ, возникшемъ и развившемся только съ прихода въ эти мѣста русскихъ. Довольно сказать, что въ этихъ двухъ мѣстностяхъ не только сами киргизы питаются мѣстнымъ хлѣбомъ, но часть его идетъ на продовольствіе войскъ и городскихъ жителей. Въ Акмоллинской области распространеніе земледѣлія привело къ тому, что многіе киргизы запасаютъ на зиму сѣно и уже не ограничиваются вьючною перевозкою предметовъ своего хозяйства, а завели телѣги, на подобіе русскихъ.

Въ нагорной части Туркестана, имѣющей довольно густое осѣдлое населеніе, утвержденіе владычества русскихъ естественно не могло произвести кореннаго переворота въ земледѣльческой промышленности, которая изстари тамъ утвердилась, приспособлена къ мѣстной почвѣ и климату и ограничена одними подгорными оазисами, имѣющими орошеніе изъ рѣчекъ. Но если общіе размѣры производства мѣстныхъ земледѣльческихъ продуктовъ мало измѣнились, то въ частностяхъ произошло немало перемѣнъ къ лучшему. Такъ напр. случилось съ производствомъ хлопка и пшеницы, изъ которыхъ первый нуженъ для вывоза въ Россію [1]), а вторая на продовольствіе войскъ. Шелководство, о которомъ любопытныя свѣдѣнія собраны г. Петровскимъ, сдѣлало также нѣкоторые успѣхи вслѣдствіе введенія лучшихъ противу прежняго способовъ шелкомотанія; при этомъ главное участіе въ дѣлѣ принимали русскіе люди, — Хлудовъ, Первушинъ, Долгорукій, Раевскій. Мѣстный виноградъ въ Сыръ-дарьинской области сталъ давать, кромѣ изюма (кишмиша), вино, конечно, пока посредственное, но все-таки замѣняющее, хотя отчасти, дорогія привозныя вины изъ Европы. Скотоводство, важнѣйшая отрасль хозяйства у кочевыхъ обитателей всей Средней Азіи, измѣнилось отъ прихода русскихъ въ эту страну немного; однако не осталось неподвижнымъ. Нѣкото-

[1]) Хотя можно бы желать, чтобы среднеазіятскій хлопокъ перерабатывался весь на мѣстныхъ фабрикахъ, къ основанію которыхъ, послѣ открытія каменнаго угля въ разныхъ частяхъ Туркестана, нѣтъ особыхъ препятствій, кромѣ развѣ недостатка свѣдущихъ въ механикѣ людей съ капиталомъ.

рые киргизы стали устроивать крытые загоны для сохраненія скота во время зимнихъ мятелей, чего прежде не было, такъ какъ степной скотъ безпріютно проводитъ зиму на тебеневкахъ, выкапывая изъ-подъ снѣга сухую траву. Въ недавнее время сдѣлана даже попытка основать, вблизи Ташкента, конскій заводъ для улучшенія туземнаго коневодства; но пока эта попытка не особенно удачна, потому что стоитъ дорого, а результатовъ дала мало, безъ сомнѣнія потому, что дѣло находится въ рукахъ не хозяина-заводчика, а цѣлаго комитета чиновниковъ, ведущихъ хозяйство на счетъ казны. Гораздо болѣе, чѣмъ этимъ и ему подобными примѣрами „образцоваго“ казеннаго хозяйства, сдѣлано въ пользу среднеазіятскаго скотоводства простымъ умиротвореніемъ степи, потому что оно уничтожило баранту или отгонъ скота непріязненными сосѣдями-хищниками, такъ что баранта нынѣ сохранилась только въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ государственной границѣ и лишь какъ рѣдкое исключеніе внутри степей.

Въ дѣлѣ открытія и разработки минеральныхъ богатствъ средней Азіи русское движеніе въ этой странѣ привело къ результатамъ довольно значительнымъ. Въ Семипалатинской области возникли мѣдные заводы, найдены мѣсторожденія графита, угля, свинца, даже золота. Въ Сыръ-дарьинской области нѣкоторыя залежи каменнаго угля уже разработываются, доставляя топливо на пароходы и въ частныя жилища, въ замѣнъ дровъ изъ саксаула и изъ плодовыхъ деревьевъ. Въ Кульджинскомъ округѣ каменный уголь, добывавшійся, впрочемъ, уже китайцами, разработывается по мѣрѣ потребности. Въ Ферганской области, прежде даже присоединенія ея къ Россіи, русскими промышленными людьми найдена нефть. Въ прикаспійскомъ краѣ, около Красноводска, именно на островѣ Челекени, нефть также разработывается и притомъ съ большою пользою для самаго Красноводска, который получаетъ такимъ образомъ дешевый матеріалъ для освѣщенія и отопленія, тѣмъ болѣе для него важный, что прѣсная вода получается тамъ только изъ морской помощью перегонки. Каменный уголь найденъ русскими и на Мангышлакѣ, гдѣ его уже брали для опыта отопленія пароходовъ; этотъ опытъ былъ впрочемъ не вполнѣ благопріятенъ, хотя онъ и не исключаетъ надежды, что рано или поздно этотъ уголь пойдетъ въ дѣло. Свинецъ, котораго добываніе такъ ограниченно въ Россіи, разработывается въ Каратаускихъ горахъ. Желѣзныя руды, извѣстныя во многихъ мѣстахъ,

остаются пока нетронутыми только потому, что выработка ихъ требуетъ большаго количества топлива, рукъ, затраты капиталовъ на заводы и дешевыхъ путей для сбыта выработаннаго металла, а всего этого пока не достаетъ Средней Азіи. Притомъ сосѣдство богатаго желѣзомъ Урала естественно мѣшаетъ возникновенію выдѣлки того же металла въ степяхъ.

Основныя причины неуспѣха желѣзодѣлательной промышленности отражаются и вообще на заводскомъ дѣлѣ, которое очень слабо развито во всѣхъ среднеазіятскихъ владѣніяхъ Россіи, не смотря на то, что русскіе не держутся такой узкой системы, какъ англичане, которые долго препятствовали заведенію фабрикъ въ Индіи, чтобы расширить рынокъ манчестерскихъ и другихъ метрополныхъ англійскихъ издѣлій. Большихъ мануфактуръ, въ европейскомъ смыслѣ слова, нѣтъ совсѣмъ въ Средней Азіи, и только заводы салотопенные, кожевенные и винокуренные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степи, особенно же на линіи оренбургско-сибирской, служатъ къ переработкѣ немногихъ мѣстныхъ сырыхъ продуктовъ въ заводскія издѣлія. Винокуренные заводы въ Вѣрномъ и Лепсѣ даже развились до степени, превышающей разумную потребность въ ихъ продуктѣ; но, конечно, пока около трети дохода русской казны будетъ получаться изъ акциза со спирта, ожидать стѣсненія ихъ вредной производительности нельзя. Въ Туркестанскомъ краѣ, туземное осѣдлое населеніе истари знакомо съ разными ремеслами и особенно съ приготовленіемъ тканей, шелковыхъ и бумажныхъ; но эта промышленная дѣятельность не прогрессивна и даетъ издѣлія средняго и нисшаго сорта, пригодныя только для азіятцевъ и очень мало для вывоза въ европейскую Россію, гдѣ мы потому и видимъ среднеазіатскіе ковры и шелковыя ткани лишь изрѣдка, а другихъ издѣлій не видимъ совсѣмъ. Этого мало: усиливающійся вывозъ хлопка и шелка изъ Ташкента въ среднерусскія фабричныя губерніи прямо показываетъ, что на мѣстную заводскую обработку важнѣйшихъ произведеній Средней Азіи никто и не расчитываетъ, предпочитая отправлять сырье за 2500 верстъ, лишь бы оно было обработано лучше, чѣмъ на ручныхъ станкахъ сартовъ. Замѣтимъ, что такой порядокъ обработки хлопка представляется экономически довольно страннымъ, потому что всѣ русскіе солдаты въ Туркестанѣ (а ихъ есть до 37.000), по закону, носятъ бѣлье изъ хлопчатобумажныхъ тканей мѣстнаго производства, такъ что большая миткальная фабрика въ Таш-

кентѣ могла бы имѣть вѣрный сбытъ для своего продукта. Между тѣмъ такой фабрики нѣтъ.

Что касается торговли въ средней Азіи, то мы не можемъ выразить какими-либо численными данными успѣховъ, сдѣланныхъ ею со времени утвержденія русскаго господства въ этой странѣ. Послѣ уничтоженія въ 1866 году оренбургско-сибирской таможенной линіи изчезли изъ статистики даже тѣ малонадежныя цифры привоза и вывоза по среднеазіатской торговлѣ, которыя въ прежнее время публиковались министерствомъ финансовъ. Обнародуемыя же „Туркестанскими Вѣдомостями“ данныя о торговлѣ въ Ташкентѣ не обнимаютъ даже всѣхъ оборотовъ одного этого города, не говоря уже про остальной Туркестанъ и киргизскія степи. Но что торговля Россіи съ Среднею Азіею и разныхъ частей послѣдней между собою возросла, особенно въ послѣдніе 10—15 лѣтъ, —въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Одно развитіе такихъ городовъ, какъ Вѣрный и русскій Ташкентъ, свидѣтельствуетъ объ этомъ столь же краснорѣчиво, какъ могли бы это сдѣлать самыя подробныя статистическія таблицы. Особенно утѣшительно, что торговля эта начала было становиться для насъ активною, т. е. переходить по немногу въ руки русскихъ купцовъ, поселившихся въ Туркестанѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ степи. Къ сожалѣнію, самыя послѣднія извѣстія изъ Сыръ-дарьинской области не оставляютъ сомнѣнія, что въ этой обширной и многолюдной провинціи такая активная торговля снова унадаетъ, или переходитъ въ руки сартовъ; при этомъ русскія фирмы уменьшаютъ свои обороты или даже вовсе сходятъ со сцены. Также и въ Вѣрномъ важнѣйшая коммерческая роль нынѣ принадлежитъ не русскимъ, а сартамъ и китайцамъ, изъ которыхъ послѣдніе едва нѣсколько лѣтъ назадъ переселились туда изъ Кульджи. На восточной границѣ Семипалатинской области, гдѣ двадцать лѣтъ назадъ торговля развилась было до довольно значительныхъ размѣровъ, [1]) нынѣ она въ сильномъ упадкѣ вслѣдствіе потери китайцами власти въ значительной части Джунгаріи и по дорогѣ оттуда въ собственный Китай. Сомнительно, чтобы эта торговля когда либо стала обширною, потому что между собственнымъ Китаемъ и европейскою Россіею уже установился для товаровъ скорый и дешевый мор-

[1]) Черезъ Чугучакъ шло въ Россію чаю на милліонъ рублей; въ этомъ же городѣ находили сбытъ нѣкоторые русскіе продукты.

ской путь на пароходахъ, а среднеазіятскія владѣнія обѣихъ державъ, особенно Китая, слишкомъ бѣдны по природѣ, чтобы изъ нихъ могло идти много предметовъ въ международные торговые обороты. Отправленная въ 1874—75 году учено-торговая экспедиція для изслѣдованія коммерческаго пути изъ Ханькоу въ Семипалатинскъ, несмотря на желаніе нѣкоторыхъ изъ ея членовъ представить этотъ путь въ привлекательномъ свѣтѣ, на самомъ дѣлѣ больше всего доказала истину, давно впрочемъ извѣстную, что пора большихъ степныхъ каравановъ прошла и что если не существуетъ болѣе монопольныхъ торговыхъ факторій въ родѣ кяхтинской (до 1861 года), то не можетъ быть и надежды на замѣну морскаго пути изъ Шанхая въ Одессу сухопутнымъ изъ Ханькоу въ Пермь, т. е. на протяженіи 5 — 6 тысячъ верстъ, изъ которыхъ еще 2400 должны совершиться на вьюкахъ. Самая посылка каравановъ изъ Зайсанскаго поста въ Чжунгарію была дѣлаема не безъ натяжекъ и покровительства мѣстныхъ властей, въ родѣ напр. назначенія дорогостоющихъ вооруженныхъ прикрытій каравановъ; это показываетъ, что коммерческое движеніе совершается тутъ на весьма зыбкихъ основаніяхъ.

О торговлѣ въ закаспійскомъ краѣ, развитіе которой было оффиціальнымъ поводомъ къ основанію Красноводска, намъ нечего больше сказать, какъ то, что въ дѣйствительности ея почти нѣтъ и, конечно, никогда не будетъ, потому что туркменамъ продавать почти нечего, а для торговли Хивы, Бухары и верховьевъ Аму-дарьи есть много другихъ путей, болѣе удобныхъ, чѣмъ бугристо-песчаныя, безлюдныя и безводныя степи на протяженіи 600, 1,000 и 1,500 верстъ отъ Красноводска. Въ нашемъ обществѣ нерѣдко слышатся толки, что перемѣна въ теченіи водъ Аму-дарьи, т. е. направленіе ихъ вмѣсто Аральскаго моря въ Каспійское, можетъ существенно измѣнить промышленную судьбу Туркменіи и восточнаго берега Каспія. Но это есть чистое заблужденіе. Отводъ воды изъ Окса въ Узбой въ количествѣ достаточномъ, чтобы рѣка доходила до Каспія и еще давала орошеніе своей долинѣ, можетъ, конечно, оживить эту долину, но неиначе, какъ въ ущербъ плодородію теперешней дельты Аму-дарьи, гдѣ производительной почвы и безъ того есть не болѣе 100 кв. миль. Кромѣ того, съ прекращеніемъ притока аму-дарьинской воды, сократится по крайней мѣрѣ на половину Аральское море и слѣдовательно утратится пароходная связь

между бассейнами Яксарта и Окса. Попытки торговыхъ сношеній между Красноводскомъ и Хивою (объ успѣхахъ этихъ сношеній нерѣдко возвѣщаютъ какъ о чемъ-то экономически-важномъ) въ дѣйствительности такъ скромны, что по нимъ можно заключить только о современномъ ничтожествѣ этой торговли, а никакъ не о будущемъ ея величіи. Одна печальная картина Красноводска, какъ она вѣрно нарисована въ 1875 году г. Гриммомъ, должна подѣйствовать на самые предубѣжденные умы. Если, несмотря на такой взглядъ, мы все-таки не можемъ иначе, какъ съ признательностью, упомянуть здѣсь о настойчивой дѣятельности г. Глуховскаго по открытію караваннаго движенія между Хивою и Красноводскомъ, то въ этомъ случаѣ мы цѣнимъ не размѣръ обнаружившагося торговаго движенія, а его политическій результатъ: водвореніе дружественныхъ сношеній русскихъ съ туркменами.

Чтобы заключить нашъ бѣглый взглядъ на развитіе среднеазіятской торговли, которую, конечно, должно считать однимъ изъ лучшихъ проводниковъ русскаго вліянія и русской цивилизаціи въ Туранѣ и сосѣднихъ ему странахъ, намъ слѣдуетъ еще сказать о сношеніяхъ съ Кашгаромъ, Хорасаномъ и пр., и затѣмъ сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ изъ современнаго развитія русско азіятскаго торговаго движенія и тѣхъ договоровъ съ средне-азіятскими ханствами, которые какъ бы предначертывали, при своемъ заключеніи, характеръ и размѣры этого движенія въ будущемъ. Но торговля съ Кашгаромъ весьма незначительна и почти совершенно случайна, хотя иногда не безвыгодна, благодаря тому, что соперничествующіе тамъ съ нами англичане ведутъ свои дѣла неумѣло [1]). Въ Хорасанѣ же вовсе нѣтъ представителей русскаго торговаго міра, хотя русскіе товары проникаютъ туда и даже въ Афганистанъ черезъ Астрабадъ. Впрочемъ, такое отсутствіе русскихъ купцовъ замѣтно не въ одномъ Хорасанѣ, а на верхнемъ Оксѣ, въ Хивѣ и даже въ самой Бухарѣ, гдѣ постоянныхъ русскихъ фирмъ всего одна или двѣ. Вѣроятно, чтобы перемѣнить къ лучшему такой невполнѣ удовлетворительный ходъ русскихъ коммерческихъ дѣлъ, т. е. непремѣнно утвердить за русскою торговлею ея первенствующее значеніе въ средней Азіи, заключены наши торговые

[1]) Объ этомъ есть отчетъ агента Средне-азіятской компаніи, основанной въ Индіи.

договоры съ Кашгаромъ (1872), Бухарою (1868 и 1873) и Хивою (1873), которыми русскіе купцы въ этихъ ханствахъ совершенно приравнены въ своихъ правахъ къ туземнымъ. Безъ сомнѣнія, этимъ же желаніемъ расширить русскій рынокъ въ средней Азіи мотивировано и запрещеніе привоза въ русскій Туркестанъ англійскихъ товаровъ изъ Индіи. Но ни трактаты, ни запретительная система пока не привели къ особенно значительнымъ послѣдствіямъ. Конечно, одною изъ важнѣйшихъ тому причинъ служитъ недостатокъ русскихъ капиталовъ; но кромѣ того немаловажную роль играютъ: конкурренція сартовъ, давно и хорошо знакомыхъ съ потребностями средне-азіятцевъ и имѣющихъ всюду старинныя связи, также неспокойное состояніе нѣкоторыхъ степныхъ мѣстностей, гдѣ проходятъ торговыя дороги, и главное — длина этихъ дорогъ и необходимость возить все на вьюкахъ, что чрезвычайно поднимаетъ цѣну товаровъ и нерѣдко дѣлаетъ ее недоступною для небогатыхъ (вообще) жителей средней Азіи.

Эти неудобства среднеазіятскихъ путей сообщенія, ощутительныя еще и въ стратегическомъ отношеніи, давно уже привели къ мысли соединить Россію съ Туркестаномъ посредствомъ желѣзной дороги. Цѣлый рядъ статей въ журналахъ и отдѣльныхъ брошюрахъ у насъ и даже за границею посвященъ вопросу объ этой дорогѣ, которымъ занимались и ученыя общества [1]), и наконецъ само правительство, рѣшившееся произвести подробныя изысканія для устройства рельсоваго пути до Ташкента. Было бы преждевременно въ настоящую минуту высказывать какое-нибудь опредѣленное, непреложное заключеніе объ этой будущей среднеазіятской торговой артеріи, но вотъ что представляется уму само собою при разсмотрѣніи вопроса во всей его ширинѣ, какъ то подобаетъ въ сферѣ науки. Сама природа ограничила число направленій, по которымъ могутъ проходить рельсовые пути въ Средней Азіи, такъ какъ большая часть этой обширной страны занята безплодными и безводными степями, а желѣзныя дороги могутъ проходить только по оазисамъ, гдѣ есть населеніе и культура, или же, по крайней мѣрѣ, связывать такіе оазисы по кратчайшимъ направленіямъ. Такимъ образомъ выборъ въ настоящемъ, какъ и въ будущемъ, возможенъ только между слѣдующими линіями: 1) отъ юго-восточнаго угла Каспія къ Герату

[1]) Общества: Русск. географическое, содѣйствія промышленности, парижскій географическій конгресъ.

и оттуда къ верховьямъ Окса; отъ Герата можно еще впослѣдствіи провести дорогу къ нижнему Инду; 2) отъ Красноводска въ Хиву, гдѣ начинаются водные пути съ одной стороны вверхъ по Оксу, до предѣловъ Гиссара и Балха, а съ другой — внизъ по этой рѣкѣ и далѣе чрезъ Аральское море въ устья Сыра, который судоходенъ почти до Ходжента; 3) отъ давнишняго центра среднеазіятской торговли и отчасти администраціи, Оренбурга, въ Ташкентъ, черезъ степь; при этомъ выгоднѣйшее направленіе линіи представляется пока спорнымъ; 4) отъ Екатеринбурга черезъ Троицкъ въ Ташкентъ же, и 5) изъ Семипалатинска (до котораго есть водный путь изъ Тюмени) въ Вѣрный, а оттуда уже въ Ташкентъ и далѣе. Сдѣлаемъ, въ немногихъ словахъ, характеристику всѣхъ этихъ путей. Первый путь представляется единственнымъ изъ русскихъ путей, по которому когда-либо будетъ привязана нетолько къ Россіи, но и къ западной Европѣ, Индія, такъ что изъ всѣхъ пяти направленій средне-азіятской желѣзной дороги это одно можетъ получить значеніе международное и всемірное. Кромѣ того на одномъ этомъ пути желѣзная дорога не выйдетъ нигдѣ изъ земель съ осѣдлымъ населеніемъ, даже отчасти богатыхъ отъ природы, каковы Закавказье, Гиланъ, Мазандеранъ, Гератъ и пр. Все протяженіе рельсоваго пути отъ Тифлиса до Кундуза тутъ выйдетъ около 3,400 верстъ, и почти тоже разстояніе раздѣляетъ Тифлисъ отъ Шикарпура на Индѣ. Въ сооруженіи этой дороги могутъ быть заинтересованы не только русскіе, для которыхъ она свяжетъ ихъ естественные южные предѣлы въ средней Азіи съ европейскою Россіей, но и персіяне, афганцы, индусы, даже англичане, если вѣковое предубѣжденіе послѣднихъ противъ Россіи на столько ослабнетъ, что они рѣшатся ѣздить въ Индію черезъ русскія земли. Но очевидно, что въ настоящее время и въ близкомъ будущемъ, эта дорога, которую мы назовемъ хорасанскою, не имѣетъ никакой вѣроятности исполненія. Для самой Россіи (т. е., для ея внутреннихъ сообщеній) она впрочемъ имѣла бы значеніе второстепенное, по своей отдаленности отъ средоточій государства. Второе направленіе, Красноводско-хивинское, соблазнительно по своей краткости, 650 верстъ, и также потому, что, построивъ тутъ дорогу, можно, повидимому, на долгое время ограничиться судоходствомъ по Аму- и Сыръ-дарьямъ, не дѣлая огромныхъ издержекъ на дальнѣйшее проложеніе рельсовъ. Кромѣ того, на этомъ пространствѣ зима короче и зимніе бураны менѣе опасны, чѣмъ на всѣхъ путяхъ, ведущихъ съ Урала и Иртыша. Но на-

селенія по этому направленію нѣтъ вовсе, и водворить его можно будетъ лишь въ небольшомъ числѣ, около Сары-Камыша, куда можно пустить нѣсколько воды изъ Окса, не ослабляя впрочемъ судоходныхъ качествъ послѣдняго къ сторонѣ Арала. Наконецъ, эта дорога не привязываетъ непосредственно къ Россіи ни Ташкента, ни Кокана, ни Самарканда съ ихъ окрестностями, такъ что для нихъ всегда останутся болѣе естественными, хотя и дорогими, вьючные пути къ Оренбургу и Троицку. Направленіе третьей дороги, изъ Оренбурга въ Ташкентъ, еще не уяснилось окончательно, и весьма возможно, что будетъ избрана линія на Орскъ, Уркачъ и Джулекъ, оставляя въ сторонѣ кратчайшее направленіе по берегамъ Сыра у Казалинска. Но какъ Россія ни кажется богатою (?) деньгами, едва ли не будетъ практичнѣе вести дорогу по послѣднему направленію, такъ-какъ при этомъ вмѣсто 2020 верстъ придется выстроить всего 980, особенно если отъ Оренбурга пойдти вверхъ по Илеку, на Акъ-тюбе. Въ крайнемъ случаѣ, можно даже остановиться, до времени, у этого послѣдняго пункта, отъ котораго до Казалы 650 верстъ. Но необходимымъ условіемъ приведенія этой дешевѣйшей (послѣ красноводско-хивинской) желѣзной дороги въ Среднюю Азію служитъ поддержаніе и развитіе правильнаго пароходства по Сыру, что, какъ извѣстно, до сихъ поръ удавалося не вполнѣ. Поэтому мы замѣтимъ, что если уже нельзя будетъ, по причинѣ неудобствъ сыръ-дарьинскаго пароходства и вслѣдствіе трудности перехода черезъ Каракумскіе пески, вести дорогу изъ Оренбурга на Казалинскъ, то лучше избрать исходнымъ пунктомъ восточнаго направленія не Оренбургъ, а Екатеринбургъ и Троицкъ, откуда въ Среднюю Азію всегда будутъ значительные грузы металловъ и куда уже нынѣ идутъ соль, кожи и сало изъ степи и хлопокъ изъ Ташкента. Можно, наконецъ, соединить обѣ линіи, оренбургскую и троицкую, гдѣ-нибудь около Уркача, гдѣ есть значительная добыча соли; но это увеличитъ размѣръ степной сѣти до 2600 верстъ, которыя потребуютъ для своего осуществленія огромнаго капитала, примѣрно въ 250 милліоновъ рублей: ибо полагать стоимость сооруженія одной версты дороги по безлѣснымъ, безводнымъ, нерѣдко лишеннымъ камня и всегда металловъ, степямъ менѣе чѣмъ въ 95,000 рублей было бы легкомысленно и могло бы повести къ дурному устройству станцій, колодцевъ и самаго полотна. Наконецъ о пятомъ пути, изъ Семипалатинска въ Вѣрный и оттуда въ Ташкентъ, можно сказать, что, хотя въ

техническомъ и даже хозяйственномъ отношеніи онъ самый легкій и выгодный, но онъ не имѣетъ никакой вѣроятности быть осуществленнымъ въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ. Когда же населеніе Западной Сибири увеличится и Иртышъ станетъ важнымъ пароходнымъ путемъ, тогда соединеніе Семипалатинска съ Вѣрнымъ можетъ оказаться небезвыгоднымъ и притомъ нетруднымъ. Эта линія будетъ уже среднеазіятскою въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, ибо не только охватитъ значительную часть тамошнихъ нашихъ владѣній, но и привлечетъ экономически къ Россіи Чжунгарію и Восточный Туркестанъ, которые не всегда же будутъ находиться въ состояніи революціи.

Этими краткими замѣтками о среднеазіятскихъ желѣзныхъ дорогахъ, т. е. о явленіи еще будущемъ, мы заключимъ нашъ взглядъ на экономическую сторону поступательнаго движенія Россіи въ Туранѣ, чтобы вернуться къ современной дѣйствительности и притомъ перейдти отъ интересовъ вещественныхъ къ духовно-нравственнымъ, именно къ религіи, законодательству и умственному образованію. Не безъ прискорбія должно признаться, что сто сорокъ лѣтъ нашего владычества надъ киргизами не только не стерли религіозной розни ихъ съ нами, но еще усилили ее, хотя по своей природѣ номады вовсе не горячіе поклонники исламизма. Мало того; мы сами ввели организацію въ церковное дѣло магометанскихъ ордынцевъ, строили для нихъ мечети, заводили указныхъ, т. е. ученыхъ, болѣе фанатическихъ, муллъ, и въ результатѣ имѣемъ два милліона кочевыхъ послѣдователей корана, живущихъ еще въ сосѣдствѣ нѣсколькихъ милліоновъ осѣдлыхъ. Мы не хотимъ, конечно, этимъ сказать, что слѣдовало въ теченіе ста сорока лѣтъ строить въ степяхъ христіанскія церкви и залучать въ нихъ, силою или коварствомъ, киргизовъ: это было бы противно и совѣсти, и традиціонной вѣротерпимости русскихъ. Но что наша христіанская пропаганда *ничего* не сдѣлала среди младенчествовавшихъ душою ордынцевъ и даже не касалася ихъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. А между тѣмъ это вопросъ важный, и между прочимъ именно въ молитическомъ смыслѣ. Китайцы, покровительствуя распространенію кроткаго ламаизма въ Монголіи, передѣлали неугомонныхъ и воинственныхъ потомковъ Чингизъ-хана въ мирныхъ пастуховъ; напротивъ, мусульманскіе ихъ подданные, сосѣди нашихъ среднеазіятскихъ магометанъ, навсегда остались безпокойнѣйшимъ этнографическимъ элементомъ въ составѣ Небесной имперіи. Тѣхъ

же послѣдствій можемъ, до нѣкоторой степени, опасаться и мы, въ особенности когда Бухара, этотъ центръ среднеазіятскаго исламизма, войдетъ въ составъ нашихъ владѣній, подобно внутреннему раку въ организмъ, съ затаенною ненавистью противъ гяуровъ, или же когда, наоборотъ, усилится въ нашемъ сосѣдствѣ довольно большое мусульманское государство Якубъ-бека кашгарскаго.

Мусульманство и теперь уже даетъ намъ чувствовать себя съ неблагопріятной стороны, ибо поддерживаетъ племенную и политическую рознь киргизовъ, узбековъ и таджиковъ съ русскими, вслѣдствіе чего на сліяніе этихъ расъ мало надежды; кромѣ того оно же препятствуетъ даже передовымъ азіятцамъ вполнѣ объевропеиться, т. е. войдти въ интересы общечеловѣческой цивилизаціи. Результатомъ этого, по необходимости, является то, что мы не можемъ напр. ввѣрять всѣмъ этимъ инородцамъ многихъ должностей, которыя бы всего удобнѣе замѣщать туземцами. Приходится назначать на эти должности людей пришлыхъ, мало знакомыхъ съ народною жизнію. Подобное же назначеніе иногда можетъ вести къ очень вреднымъ послѣдствіямъ, вводя въ администрацію элементъ неумѣлости, раздражающей своими пріемами все туземное населеніе. До чего же эта самоувѣренная неумѣлость можетъ доходить, примѣровъ можно бы собрать не мало въ исторіи русскаго управленія хотя бы въ одномъ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ молодые и холостые армейскіе офицеры, будучи сдѣланы какими нибудь мелкими членами уѣздной администраціи, позволяли себѣ разбирать бракоразводныя дѣла мусульманъ, т. е. вторгаться въ самую заповѣдную и самую близкую сердцу каждаго человѣка область. Привлечь мусульманъ на нашу сторону можно однимъ только способомъ, — обращеніемъ ихъ съ юности въ сферу европейской науки и жизни, и тогда, разумѣется, наиболѣе даровитыя личности, какъ братья Валихановы, Бабаджановы, Джегангировы и др., могутъ дать прекрасные образцы просвѣщенныхъ азіятцевъ. Но до сихъ поръ число подобныхъ личностей весьма незначительно. Въ большей же части случаевъ самые передовые среднеазіятскіе мусульмане, при сближеніи съ русскими, ограничиваются тѣмъ, что начинаютъ носить вмѣсто халата казакинъ, пить вино и водку и отличать себя отъ невѣжественныхъ массъ нѣкоторымъ скептическимъ шикомъ.

Впрочемъ, медленному или слишкомъ поверхностному привитію среднеазіятскимъ нашимъ подданнымъ началъ европейскаго обра-

зованія удивляться нельзя. Мы сами въ этомъ случаѣ ушли не такъ далеко, какъ бы можно желать. И въ то время, какъ англичане въ Индіи создали четыре университета, шестьдесятъ коллегій и многія тысячи начальныхъ школъ для туземцевъ, у насъ во всей Азіятской Россіи нѣтъ ни одного университета, гимназіи находятся далеко не во всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ, а въ степяхъ и Туркестанѣ русскія училища едва начинаютъ возникать. Не безъ основанія, хотя конечно съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, было замѣчаемо, что, въ то время, какъ англо-германская колонизація вездѣ начинаетъ, при устройствѣ новыхъ осѣдлостей, съ отвода участка земли подъ школу, у насъ аванпостами гражданственности являются укрѣпленія и казармы, за которыми слѣдуютъ зданія полицейскихъ управленій, остроги и, наконецъ, посредственные дома частныхъ лицъ, построенные еще иногда на субсидію отъ казны; объ училищахъ же думаютъ меньше всего. Это низкое мѣсто, занимаемое школою въ нашей собственной жизни, разумѣется, не могло не парализировать распространеніе науки среди покоренныхъ нами азіятскихъ народовъ. Мы проглядѣли, что изъ всѣхъ завоевательныхъ силъ самая прочная есть общеніе побѣжденныхъ съ побѣдителями на поприщѣ умственнаго развитія, какъ было въ Римской имперіи, какъ отчасти есть теперь во владѣніяхъ Англіи. Если нѣкоторые изъ нашихъ читателей найдутъ настоящій упрекъ нашъ слишкомъ рѣзкимъ, то просимъ ихъ принять въ соображеніе, что онъ истекаетъ изъ самой чистой любви къ Россіи и въ данномъ случаѣ не можетъ быть уменьшенъ въ силѣ, потому что послѣдствія пренебреженія школою слишкомъ очевидны. Въ данную минуту, въ предѣлахъ среднеазіятскихъ владѣній мы имѣемъ всего двѣ военныя гимназіи, въ Оренбургѣ и Омскѣ, служащія высшими разсадниками европейскаго знанія на 50,000 кв. миляхъ, нѣсколько прогимназій, къ которымъ относятся и двѣ едва возникающія въ Ташкентѣ и Вѣрномъ, да очень небольшое число низшихъ училищъ въ казачьихъ станицахъ. Нѣтъ даже порядочнаго учрежденія для приготовленія переводчиковъ, безъ которыхъ однакоже наша администрація въ степяхъ и въ Туркестанѣ не можетъ дѣйствовать... Конечно, не такими малочисленными и притомъ еще невсегда образцовыми орудіями мы можемъ бороться съ среднеазіятскимъ невѣжествомъ и соотвѣтствующимъ ему фанатизмомъ мусульманъ и стирать ту рознь съ побѣжденными, которая всегда служитъ источникомъ

бѣдствій для побѣдителей, какъ удостовѣряетъ исторія испанскихъ колоній, Турціи, Китая и разныхъ другихъ странъ, которыя иной разъ и не подозрѣвали своей внутренней слабости и близости къ разрушенію, особенно если имѣли большое число солдатъ.

Впрочемъ, наше замѣчаніе о слабости русскаго умственнаго движенія въ средней Азіи значительно смягчается тѣми успѣхами научнаго изслѣдованія этой страны, которыми мы обязаны во многихъ направленіяхъ образованнымъ русскимъ дѣятелямъ. Особенно естествознаніе, географія и отчасти статистика сдѣлали огромные успѣхи, благодаря трудамъ Бларамберга, Богданова, Борщова, Бутакова, Валиханова, Григорьева, Каульбарса, Костенко, Куна, Левшина, Маева, Макшеева, Муравьева, Небольсина, Соболева, Стебницкаго, Струве, Сѣверцева, Терентьева, Тилло, Шарнгорста, Ханыкова и многихъ другихъ, которыхъ, къ чести Россіи, мы можемъ считать даже не единицами, а десятками. Зданіе, ими заложенное и отчасти выведенное, будетъ самымъ прочнымъ изъ всѣхъ, которыя нами созданы на среднеазіятской почвѣ, и изъ подъ его-то сѣни мало-по-малу выйдутъ тѣ новые *туземные* дѣятели науки, отъ которыхъ можно ожидать, что они наконецъ припаяютъ среднеязіятскія русскія владѣнія къ самой Россіи. Къ сожалѣнію, и тутъ нельзя не замѣтить, что донынѣ у насъ мало поощряется это образованіе мѣстныхъ, туземныхъ дѣятелей науки, такъ что примѣръ Чокана Валиханова, который былъ выдвинутъ генералъ-губернаторомъ Гасфордомъ, есть едва ли не единственный. А между тѣмъ, повторимъ: нѣсколько подобныхъ ученыхъ среднеазіятцевъ, русскихъ по образованію и симпатіямъ, могли бы дать нашему политическому положенію въ Средней Азіи болѣе прочности, чѣмъ десятки дорого-стоющихъ укрѣпленій, подобныхъ Уильскому, Масше, Кармакчамъ, Аягузу, чѣмъ цѣлыя сотни мелкихъ, полуобразованныхъ чиновниковъ и цѣлыя тысячи солдатъ и казаковъ.

Но „наука есть прихотливое растеніе; она созрѣваетъ не на всякой почвѣ“, или—говоря безъ метафоры, употребленной знаменитымъ учителемъ современнаго трудящагося русскаго поколѣнія, Грановскимъ – не при всякихъ условіяхъ. На сколько теперешнія нравственныя условія русской Азіи могутъ способствовать или препятствовать зарожденію умственнаго движенія въ ея обителяхъ, видно отчасти изъ сказаннаго. Къ этому можно прибавить, что, по словамъ великаго обновителя самой Россіи,

Петра I, „науки принужденія и насилія терпѣть не могутъ, свободу любяще“, а между тѣмъ значительная часть русскихъ владѣній въ средней Азіи находится, ежели не *de jure*, то *de facto* на военномъ положеніи. Конечно, это военное положеніе можетъ быть во многомъ смягчено успѣхами гражданскаго управленія, и на самомъ дѣлѣ въ этомъ смыслѣ русскими сдѣлано въ средней Азіи очень немало, но далеко не все. По важности вопроса разсмотримъ его здѣсь съ нѣкоторою подробностію. Въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго вѣка киргизскія степи, намъ подвластныя, управлялись безъ опредѣленныхъ законоположеній, мѣстными ханами, подъ надзоромъ нашихъ губернаторовъ въ Оренбургѣ и Тобольскѣ; потомъ званіе хановъ было уничтожено, и Малая Орда стала управляться тремя султанами, по частямъ, но на прежнихъ безконтрольныхъ началахъ. Для средней же орды, т. е. для киргизовъ Сибирскаго вѣдомства, Сперанскій далъ, въ 1822 г., иное, лучшее устройство. Не отнимая у родовыхъ киргизскихъ начальниковъ ихъ власти вполнѣ, онъ обставилъ употребленіе послѣдней совѣщательною коллегіею, или приказомъ, который находился въ каждомъ округѣ и въ которомъ старшій султанъ былъ только предсѣдателемъ, имѣвшимъ о-бокъ себя членовъ не только изъ киргизъ, находившихся подъ его вліяніемъ, но и изъ русскихъ. Съ тѣхъ поръ Средняя Орда во многомъ обогнала по своему развитію Малую, не смотря на свою отдаленность и на то, что въ дѣла ея вмѣшивались то коканцы, то китайцы. Киргизы акуратно вносили подати, которыя раскладывались въ приказахъ по степени богатства каждаго изъ ордынцевъ скотомъ, и хотя составленіе этой раскладки подавало поводы къ злоупотребленіямъ, но на нихъ были возможны жалобы къ русскимъ властямъ въ Омскѣ. Султаны, ставъ въ близкую и постоянную зависимость отъ контролирующихъ начальствъ, вводили въ управленіе менѣе произвола. Между тѣмъ въ Оренбургской степи никакого надзора не было, и напр. въ кочевья адаевцевъ никогда не появлялся ни одинъ русскій чиновникъ, а султаны отчасти считали себя союзниками Россіи, но не безусловными ея подданными. Сдѣлавъ что-либо противузаконное, они нерѣдко уходили въ предѣлы Хивы и Кокана, уводя туда съ собою и многихъ родовичей. Эта двойственность въ управленіи степей, населенныхъ однимъ и тѣмъ же народомъ, продолжалась до 1868—69 г., когда введено было общее для обѣихъ положеніе, нынѣ дѣйствующее. Положеніе это, составленное съ знаніемъ дѣла, при участіи такихъ

знатоковъ киргизскаго быта, какимъ былъ Гутковскій, и послѣ трехлѣтняго объѣзда всѣхъ степей коммиссіею (составленною изъ людей съ европейскимъ образованіемъ), было огромнымъ шагомъ къ улучшенію управленія киргизами. Выборное начало проведено въ немъ очень широко. Не только аульные старосты и біи или судьи, но и волостные старшины, бывшіе прежде почти исключительно изъ султановъ, стали выбираться свободно изъ всего народа. Общее управленіе уѣздами отнято у необразованныхъ ордынцевъ и поручено русскимъ уѣзднымъ начальникамъ; но въ помощники имъ поступило немало природныхъ киргизъ, только уже не одной „бѣлой кости“, а всякихъ, смотря по дарованіямъ, заслугамъ и вліянію среди населенія. Понятно, что эта реформа не понравилась, на первое время, многимъ членамъ киргизской знати, и они не замедлили даже произвести волненія, но только въ Оренбургской степи; Сибирская же оставалась спокойною, какъ это и было естественно, ибо новый порядокъ дѣлъ былъ въ ней только развитіемъ прежняго и былъ очевидно выгоденъ для массъ. Теперь степи вообще можно считать устроенными и управляемыми довольно удовлетворительно, и только въ Малой Ордѣ нужно желать скорѣйшаго водворенія областныхъ и уѣздныхъ управленій въ своихъ районахъ, вмѣсто того, чтобы они находились отъ нихъ за многія сотни верстъ. Можно также думать, что устройство въ этой ордѣ двухъ областей излишне, и что, если бы выдѣлить изъ состава Уральской области казачьи земли, лежащія въ Европѣ, а не въ Азіи, то для остальной степи совершенно достаточно одного областнаго управленія въ Оренбургѣ, особенно съ передачею богоналинцевъ въ сибирское вѣдомство, а адаевцевъ въ закаспійское.

Относительно устройства и управленія Туркестанскаго края всякая критика, естественно, должна быть снисходительна, потому что присоединеніе этой страны сдѣлано слишкомъ недавно и даже еще продолжается. Но правдивость науки не позволяетъ обойдти нѣкоторыхъ важныхъ явленій, далеко не желательныхъ съ точки зрѣнія политики и правъ государственнаго, уголовнаго и гражданскаго. Мы, конечно, не станемъ повторять фактовъ и — нѣсколько поспѣшныхъ — выводовъ изъ нихъ, которые изложены были три года тому назадъ г-мъ Скайлеромъ въ его извѣстномъ донесеніи правительству Соединенныхъ Штатовъ. Многіе изъ этихъ фактовъ вѣрны, и мы могли бы привести много другихъ подобныхъ, рекомендующихъ административный произволъ и безотвѣтственность чиновниковъ, злоупотреблявшихъ властью; но все

это мелочи, которыя могутъ сегодня быть, а завтра пройдти. Гораздо важнѣе то, что *у насъ не выработался вообще взглядъ на систему управленія Туркестаномъ.* Два проекта, представленные изъ Ташкента въ 1871 и 1873 годахъ, оба признанные неудовлетворительными въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, исходили изъ весьма различныхъ началъ и имѣли въ себѣ общаго только заботливость о хорошей обстановкѣ мѣстнаго русскаго чиновничества и крайне мелочное вмѣшательство администраціи во всѣ подробности общественной и даже семейной жизни. Такъ напр. по первому проекту [1]) совѣтъ генералъ-губернатора долженъ былъ заниматься правилами о томъ, какъ обсаживать деревьями оросительныя канавы. По второму полицейскіе чиновники уѣздныхъ управленій должны были рѣшать бракоразводныя дѣла мусульманъ, предварительно побывавшія въ двухъ мѣстныхъ судебныхъ инстанціяхъ. Мы не говоримъ уже о почти невѣроятныхъ требованіяхъ, чтобы всѣ жители края, осѣдлые и кочевые, получали, за 20 копѣекъ, особые билеты, отсутствіе которыхъ лишало бы ихъ всѣхъ гражданскихъ и личныхъ правъ; о томъ, чтобы всякая община, желающая быть законною, заключала не менѣе десяти членовъ, и пр. Все это показываетъ незрѣлость мысли у редакторовъ отдѣльныхъ главъ проектовъ. Но что сказать о выраженіяхъ въ родѣ тѣхъ, которыми мотивировалась *вся совокупность* проекта, *всѣ* предлагавшіяся нововведенія, а именно, что въ теченіи пяти лѣтъ подчиненія Россіи, Туркестанскій край утратилъ всѣ особенности своей исторической національной жизни и представляетъ чистую страницу (tabula rasa), на которой законодатель можетъ писать что угодно?! Подобная незрѣлость основанія проекта выходитъ уже изъ ряда самыхъ причудливыхъ доводовъ, которыми когда-либо мелкіе, полуобразованные чиновники обставляли свои кабинетныя предположенія.

Не касаясь далѣе подробностей проекта и дѣйствительнаго хода управленія Туркестанскимъ краемъ, остановимся однако еще на двухъ вопросахъ, до него относящихся и входящихъ въ сферу внутренней политики. Въ то время, какъ бѣдныя отъ природы степи, безъ отягощенія своихъ жителей, содержатъ мѣстныя администрацію и войска и даже даютъ остатки въ государственное каз-

---

[1]) Подробное извлеченіе изъ него было напечатано въ газетѣ «Голосъ» 1871 года. Въ той же газетѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ были обнародованы извлеченія изъ втораго проекта 1873 г.

начейство, Туркестанскій край, о богатствахъ котораго нерѣдко говорится, представляетъ постоянные дефициты, которыхъ сумма къ 1876 году должна была возрасти до 20½ милліоновъ рублей, если не болѣе. Такое превышеніе расходовъ передъ доходами внушаетъ не безосновательныя опасенія всѣмъ, кому дороги интересы Россіи; противникамъ же ея подаетъ поводъ, съ одной стороны, радоваться ея истощенію, — какъ это недавно сдѣлалъ публично одинъ изъ англійскихъ государственныхъ людей, — а съ другой, прямо объяснять нашу снисходительность къ нынѣшнимъ дефицитамъ предположеніемъ въ насъ надежды покрыть ихъ въ будущемъ завоеваніемъ Индіи, что, разумѣется, вселяетъ къ намъ непримиримую ненависть Англіи. На существованіе этихъ дефицитовъ и ихъ опасное значеніе было не разъ указываемо (хотя большею частью только вскользь) во многихъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ и даже въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ. Но къ удивленію, въ одномъ частномъ журналѣ за 1875 г. напечатано было, что такія указанія невѣрны и что не только нѣтъ превышенія расходовъ надъ доходами, но есть остатки. Чтобы достигнуть такого неожиданнаго вывода, въ журнальной статьѣ были высчитаны расходы туркестанской администраціи по всѣмъ вѣдомствамъ, *кромѣ военнаго*, и представлено, какъ выводъ, что доходы дѣйствительно превышаютъ расходы. Военный же бюджетъ, простирающійся нынѣ до 4 милліоновъ рублей и почти сполна составляющій дефицитъ, авторы статьи признали не касающимся Туркестана, на томъ основаніи, что Россія, все-равно, содержала бы въ степяхъ тѣ же войска, которыя теперь находятся въ Туркестанѣ, а слѣдовательно производила бы тѣ же самые расходы, образующіе теперь кажущійся туркестанскій дефицитъ. Но это мало добросовѣстное изложеніе фактовъ не можетъ скрыть истины. Россія, замѣтимъ мы, далеко не содержала такого числа войскъ въ средней Азіи до 1867 г., какое содержитъ теперь. Вся совокупность солдатъ и казаковъ за Иртышемъ и Ураломъ десять лѣтъ назадъ не превосходила 7,500 человѣкъ, а теперь ихъ въ одномъ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ 38,000, да въ степяхъ сибирскихъ и оренбургскихъ 5,000. Весь избытокъ, 35,500 чел., сполна вызванъ военными и политическими потребностями Туркестана, которыя людямъ, знакомымъ съ характеромъ среднеазіятскихъ народовъ, кажутся нѣсколько преувеличенными противъ дѣйствительной надобности. Не будемъ однако касаться здѣсь этого труднаго вопроса, для правильнаго разбора котораго нужно было

бы теперь же войдти въ политическія и стратегическія соображенія, которыхъ мы не желаемъ касаться, а скажемъ еще нѣсколько словъ о гражданскомъ бюджетѣ.

Занявъ сѣверо-западныя части Коканскаго ханства въ 1865 году, мы ничѣмъ такъ не обрадовали вновь покоренныхъ жителей его, какъ уничтоженіемъ массы налоговъ, которые были введены жаднымъ Худояръ-ханомъ и его беками. Это уничтоженіе излишнихъ и многихъ безсмысленныхъ поборовъ сразу пріобрѣло намъ расположеніе ташкентцевъ и вообще обитателей нынѣшней Сыръ-дарьинской области. Остались только такіе налоги, которые признаются коренными мусульманскими законами, именно танапъ, хараджъ и зякетъ, которые не отяготительны и распредѣляются правильно безъ большаго труда [1]). Жителямъ было обѣщано, что уничтоженные налоги не будутъ возстановлены никогда. И дѣйствительно, *de jure* новыхъ налоговъ нѣтъ, но *de facto* они введены, подъ неопредѣленнымъ титуломъ мѣстныхъ сборовъ на разныя надобности. А какъ эти надобности измѣняются изъ года въ годъ, то и возникаетъ трудность установить нормальный ежегодный бюджетъ, цифры же дѣйствительнаго бюджета колеблются изъ года въ годъ съ поражающею неправильностью. Среднимъ числомъ, однако, Туркестанское генералъ-губернаторство до присоединенія Ферганы [2]) доставляло около 2.000,000 рублей, при населеніи 1.700,000 душъ; это очень немного, особенно если принять въ соображеніе, что есть мѣстности, напр. Міанкалъ, гдѣ одна десятина земли стоитъ 1,000 руб. и приноситъ чистаго дохода 60 — 70 рублей. Взявъ для сравненія какую-нибудь русскую губернію съ тѣмъ же числомъ населенія, даже въ сѣверной полосѣ, мы увидимъ, что Туркестанскій край по отношенію къ налогамъ есть самая счастливая часть Русской имперіи. Между тѣмъ о новыхъ источникахъ для обложенія ничего неизвѣстно, и цифры доходовъ иногда не только не возрастаютъ, а даже падаютъ къ слѣдующему году. Это показываетъ, что платежныя податныя средства края не довольно изучены или неточно оцѣнены и что самые сборы взимаются недостаточно правильно, на что впрочемъ есть прямыя указанія въ печатныхъ источникахъ. Расходная часть туркестанскаго бюджета едва ли не еще болѣе безпорядочна и

---

[1]) Зякетъ, или таможенная пошлина, равенъ $2^1/_2$% цѣны товаровъ: танапъ — поземельный налогъ, пропорціональный урожаю и также невысокій.

[2]) Могущей давать до 700,000 въ годъ.

поражаетъ особенно огромными суммами на содержаніе чиновниковъ, изъ которыхъ многіе не занимаютъ никакихъ должностей, а состоятъ въ распоряженіи мѣстной центральной власти, для употребленія по ея усмотрѣнію [1]). Кромѣ того, многіе значительные расходы, занесенные въ смету и правильно утвержденные, иногда оказываются мало производительными, какъ напр. это было съ почтовыми станціями по оренбургскому тракту, которыя черезъ три года послѣ постройки пришли въ разрушеніе, хотя и стоили дорого. Иные расходы дѣлались и дѣлаются безъ внесенія въ смету, и министерству финансовъ стоило въ 1871 — 72 году не мало труда привести въ ясность израсходованіе слишкомъ милліона рублей изъ бывшихъ доходовъ съ Заравшанскаго округа. Бывали такіе случаи, что суммы, получившія уже опредѣленное назначеніе, употреблялись на совершенно другіе предметы, какъ напр. вмѣсто основанія общественныхъ банковъ по селеніямъ ушли на основаніе конскаго завода. Все это показываетъ, что финансовая администрація Туркестанскаго края оставляетъ еще желать многаго и что будущимъ преобразователямъ ея будетъ предстоять немаловажная задача не только сократить много лишнихъ издержекъ, но и привести въ ясность всѣ источники доходовъ и установить правильную систему ихъ взиманія и израсходованія. Мы полагаемъ, что прежде всего можетъ удасться, безъ вреда краю и Россіи, уменьшить составъ мѣстной бюрократіи, увеличивъ въ то же время содержаніе тѣхъ чиновниковъ, которые останутся и которые должны быть хорошо обставлены, чтобы достойно представлять русское могущество въ средней Азіи. При этомъ условіи и сама бюрократія нѣсколько переродится, ибо у нея не будетъ времени заниматься слишкомъ ничтожными мелочами, которыя всѣ перейдутъ къ выборнымъ туземнымъ чинамъ нисшей администраціи.

Другое общее замѣчаніе, которое мы должны сдѣлать о характерѣ управленія Туркестанскимъ краемъ, заключается въ томъ, что край этотъ состоитъ въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго министерства, какъ будто оно военное поселеніе. Почему именно принятъ такой порядокъ, мы не знаемъ; но порядокъ этотъ есть очевидно исключительный и даже едва ли не безпри-

[1]) Это служитъ источникомъ немалаго нравственнаго зла, возбуждая интриги при отысканіи занятій и уничтожая всякую увѣренность въ служащихъ, что они служатъ государству, а не лицамъ, и что судьба ихъ зависитъ только отъ исполненія «законныхъ» обязанностей.

мѣрный. Кавказъ въ теченіе 60 лѣтъ былъ театромъ непрерывной войны и однако никогда не считался исключительною территоріею военнаго министерства, и намѣстникъ его имѣлъ правильныя сношенія со всѣми министрами, на основаніи общихъ законовъ. Амуръ и Киргизскія степи, во время ихъ завоеванія, тоже не подлежали исключительному вѣдѣнію военнаго вѣдомства. Такая рѣзкая особенность въ управленіи Туркестаномъ несомнѣнно имѣетъ серьезное вліяніе на его судьбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на положеніе въ немъ русской власти. Огромное число военныхъ офицеровъ, очень мало знакомое съ законами не только мусульманскими, но и русскими, и не смотря на то занимающее нынѣ гражданскія должности въ краѣ, было бы невозможно, если бы замѣщеніе вакансій не производилось почти исключительно военнымъ вѣдомствомъ. Установленіе юридическихъ обычаевъ и административныхъ пріемовъ, которые для народа вновь покореннаго имѣютъ такую важность, пріобрѣло бы совершенно иной характеръ, если бы каждое вѣдомство имперіи имѣло тамъ своихъ непосредственныхъ представителей, усвоившихъ его понятія и пріемы. Наконецъ, сами офицеры, отъѣзжающіе на службу въ Туркестанъ, не мечтали бы, какъ теперь, при первой возможности бросить фронтъ и идти куда-нибудь участковымъ начальникомъ, письмоводителемъ или полиціймейстеромъ, оставляя въ рядахъ войскъ лишь такихъ товарищей, у которыхъ нѣтъ покровителей. Весь этотъ ненормальный строй администраціи очевидно нуждается въ передѣлкѣ, и мы думаемъ сверхъ того, что съ выходомъ Туркестанскаго края изъ исключительной зависимости отъ военнаго вѣдомства, много облегчится дѣло составленія „положенія“ о его управленіи, болѣе широкаго въ своихъ теоретическихъ началахъ и болѣе годнаго для практики, чѣмъ доселѣ предлагавшіеся проекты. Военное министерство, какъ и всякое другое спеціяльное вѣдомство, сколько бы оно ни было просвѣщено и дѣятельно, не въ силахъ *одно,* безъ совокупнаго дѣйствія со всѣми другими вѣдомствами, дать упомянутому положенію должную полноту, многосторонность и основательность.

Изложенныя здѣсь замѣчанія о характерѣ русскаго управленія Туркестаномъ были бы односторонни, если бы на ряду съ ними мы не выставили несомнѣнно важныхъ заслугъ, оказанныхъ этимъ управленіемъ самому краю и русскому дѣлу въ немъ. Важнѣйшею и наиболѣе прочною изъ этихъ заслугъ нельзя не признать научнаго изслѣдованія страны, предпринятаго сознательно,

по почину генерала Кауфмана, который еще въ 1868 году заявилъ, что его администрація не можетъ съ пользою дѣйствовать въ новой странѣ, пока не будутъ изучены ея естественныя и промышленныя богатства и этнографическія особенности ея населенія. Изданіе такихъ трудовъ, какъ „Путешествіе“ Федченко, какъ нѣсколько томовъ „Туркестанскаго Ежегодника“ и „Русскаго Туркестана“, въ высшей степени облегчаетъ задачи „разумной эксплоатаціи края“, и той же цѣли служатъ издаваемыя при управленіи генералъ-губернатора въ Ташкентѣ „Туркестанскія Вѣдомости“, которыя можно считать лучшею изъ русскихъ провинціальныхъ газетъ. Другое важное дѣло русской администраціи въ Туркестанѣ есть основаніе русскихъ училищъ, гдѣ, какъ нужно надѣяться, туземное молодое поколѣніе будетъ понемногу усвоивать европейскія знанія наравнѣ съ русскимъ юношествомъ. Поощреніе разныхъ отраслей мѣстной промышленности, напр. шелководства, приготовленія хлопка и тканей изъ него (черезъ введеніе послѣднихъ въ войска), выдѣлки замши (тоже), добыванія каменнаго угля и другихъ минераловъ, попытки расширенія орошенія въ степяхъ — все это труды важные для настоящаго времени и еще болѣе для будущаго. Въ высшей степени полезно также устройство экипажныхъ дорогъ, переправъ, мостовъ въ родѣ чирчикскаго и ходжентскаго, правильныхъ почтовыхъ сообщеній и наконецъ телеграфа. Все это такіе могущественные залоги экономическаго и духовнаго вліянія Россіи на среднеазіятцевъ, что скорое и энергическое осуществленіе ихъ, принадлежащее туркестанской администраціи, превосходитъ по результатамъ много дешевыхъ побѣдъ надъ тѣми же среднеазіятцами.

Но самою важною изъ историческихъ заслугъ туркестанской администраціи, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ считать поддержаніе и даже возвышеніе того ореола всемогущества, которымъ Россія издавна пользуется въ средней Азіи, такъ что воля русскаго государя представляется нынѣ среднеазіатцу неотразимою, какъ воля судьбы. „У Бѣлаго-царя, говоритъ простодушный киргизъ, укрючина [1]) длинна: достанетъ вездѣ“, и онъ тутъ же признаетъ туркестанскаго генералъ-губернатора „ярымъ-падишахомъ“, т. е. половиной царя. Распространеніе этого-то убѣжденія не только въ номадахъ, но и въ осѣдлыхъ жителяхъ Турана, даже

[1]) Длинная палка съ веревкою на концѣ, для поимки лошадей въ степи.

въ ихъ повелителяхъ, въ родѣ бухарскаго эмира и хивинскаго хана, есть прочнѣйшій залогъ будущихъ успѣховъ Россіи, которая не можетъ еще остановиться въ своемъ поступательномъ движеніи, пока не замкнетъ съ юга степей, простирающихся до Хорасана и Гиндукуша. Краткимъ разсмотрѣніемъ сдѣланнаго русскими на этомъ, чисто-политическомъ поприщѣ, мы и заключимъ нашу статью, чтобы читатель „Сборника государственныхъ знаній“ могъ ознакомиться съ самыми выдающимися явленіями не только внутренней, но и внѣшней политики Россіи въ среднеазіятскихъ странахъ.

Россія начала имѣть сношенія съ среднею Азіею еще въ XVI вѣкѣ. И не только это были отправленія посольствъ, но и цѣлыя военныя экспедиціи, какъ набѣгъ атамана Нечая на Хиву. Впрочемъ, послѣднее дѣло не было дѣйствіемъ правительственнымъ, а просто предпріятіемъ шайки удальцовъ, въ родѣ тѣхъ, которыя были обычны въ то время всему южно-русскому казачеству по отношенію къ татарамъ, ногайцамъ и пр. Систематическія правительственныя дѣйствія начались съ Петра Великаго, который въ 1716—17 г. отправлялъ двѣ экспедиціи внутрь среднеазіятскихъ пустынь: Бековича въ Хиву и Лихарева на Черный Иртышъ. Обѣ имѣли цѣлію открыть путь въ золотоносныя страны, которыя предполагались внутри Средней Азіи, и обѣ кончились неудачно, особенно Бековича, котораго отрядъ, достигнувъ Хивы, былъ тамъ истребленъ поголовно. Съ тѣхъ поръ Петръ не думалъ уже о повтореніи завоевательныхъ экспедицій внутрь степей, хотя и считалъ послѣднія „воротами въ Азію“. Но желая завязать связи съ богатой Индіею, онъ рѣшился прочно утвердиться на южномъ берегу Каспійскаго моря и для того въ 1722 году завоевалъ у Персіи Гиланъ и Мазандеранъ. Эти богатыя отъ природы области не принесли однакоже Россіи той пользы, которую надѣялся отъ нихъ получить великій императоръ. Болѣзни истребляли наши гарнизоны, поставленные тамъ, и содержаніе войскъ было очень убыточно, а потому правительство Бирона, не умѣвшее ни понять широкіе виды Петра, ни энергически слѣдовать по его стопамъ, возвратило Персіи южно-каспійскія земли. Въ то же время, именно въ 1732 году, Россія получила добровольный вызовъ на подданство ей со стороны хана Малой киргизской орды, Абульхаира, и приняла его. Это событіе есть эпоха, отъ которой приходится вести лѣтопись всѣхъ послѣдующихъ дѣйствій нашихъ въ средней

Азіи, которыя мало-по-малу перешли въ непрерывное движеніе къ югу, не смотря на убыточность свою для Россіи. Двадцать пять лѣтъ послѣ заявленія подданства Абульхаиромъ, мы завладѣли еще небольшимъ осколкомъ распавшагося подъ ударами китайцевъ Чжунгарскаго царства, на Иртышѣ, и такимъ образомъ къ началу царствованія Екатерины II были владѣтелями обширнаго пространства отъ Алтая до Каспійскаго моря, куда впрочемъ сами не вступали, ограничиваясь только основаніемъ ряда форпостовъ вдоль Урала, Иртыша и на пространствѣ между ними, по такъ-называемой Горькой линіи. Императрица Екатерина хорошо видѣла ничтожность нашихъ среднеазіятскихъ владѣній, и потому, заботливо охраняя миръ среди своихъ почти номинальныхъ подданныхъ, киргизовъ, чтобы они не безпокоили собственно русскихъ предѣловъ, она вовсе не предпринимала движеній въ глубину степей. Мало того, при ней безпокойные приграничные номады значительно уменьшились въ числѣ, вслѣдствіе удаленія изъ степи между Ураломъ и Волгою калмыковъ, бѣжавшихъ въ Чжунгарію и на дорогѣ почти истребленныхъ киргизами. Связь Россіи съ среднею Азіею въ это время получила другой характеръ, совершенно мирный, вслѣдствіе развитія торговли черезъ Оренбургъ и отчасти черезъ Троицкъ и Петропавловскъ. Линіи по Уралу и Иртышу мало-по-малу окрѣпли на столько, что уже не пропускали кочевыхъ хищниковъ на почву Европейской Россіи и Западной Сибири. Зависимость киргизовъ Малой и Средней Орды выражалась тѣмъ, что ханы ихъ избирались всегда подъ вліяніемъ Россіи и что отъ времени до времени въ Петербургъ являлись на поклонъ депутаціи отъ орды. Съ среднеазіятскими ханствами никакихъ связей, кромѣ торговыхъ, не было, а относительно туркменовъ, уже со времени Петра Великаго не разъ просившихся въ русское подданство, было принято рѣшеніе отрицательное, во вниманіи къ тому, что народъ этотъ, хищный и дикій, подъ видомъ подданства искалъ только средствъ къ пропитанію и къ ограбленію купеческихъ каравановъ, относительно которыхъ дѣйствовалъ безъ малѣйшей совѣсти. Основаніе города, укрѣпленія или факторіи на туркестанскомъ берегу Каспія также признано было безполезнымъ, хотя еще при Петрѣ I, передъ походомъ Бековича въ Хиву, тутъ существовали русскія укрѣпленія.

Императоръ Павелъ взглянулъ на степи своеобразно. Онъ полагалъ, что онѣ представляютъ не только открытую, но и

удобную дорогу въ южную Азію, а потому, будучи недоволенъ Англіею и желая изгнать англичанъ изъ Индіи, онъ направилъ черезъ земли Малой Орды значительную часть донскихъ казаковъ подъ начальствомъ Орлова. Въ то же время, т. е. въ 1800, году былъ заключенъ съ первымъ консуломъ французской республики, Бонапартомъ, договоръ, по которому соединенная русско-французская армія должна была высадиться въ Астрабадѣ и идти оттуда въ Индію черезъ Хорасанъ и Афганистанъ. Смерть императора положила предѣлъ осуществленію этихъ болѣе чѣмъ смѣлыхъ плановъ, и казаки, вытерпѣвшіе уже въ степи много лишеній, были возвращены.

Въ царствованіе императора Александра I, когда Россія была поглощена западо-европейскими интересами, средняя Азія была почти забыта, и даже въ собственныхъ нашихъ владѣніяхъ иногда распоряжались китайцы, которые напр. приходили въ Среднюю Орду съ войсками, чтобы возвести въ ханское достоинство своего приверженца, султана Габайдулу. Но въ 1820-хъ годахъ о киргизскихъ степяхъ снова вспомнили, и, по плану Сперанскаго, совершилось новое знаменательное событіе въ ихъ судьбѣ. Именно, въ замѣнъ посылки прежнихъ летучихъ отрядовъ для наблюденія за кочевниками, основано было нѣсколько передовыхъ укрѣпленій, около которыхъ водворены казачьи станицы. Эта военная колонизація умиротворила сѣверную часть Сибирской степи и, слѣдовательно, оказалась очень выгодною для самой Сибири; но она же заставила потомъ выдвинуть къ югу новый рядъ укрѣпленій для защиты самихъ степныхъ поселеній. Такъ обозначился самъ собою пріемъ, который мы потомъ употребляли постоянно въ степяхъ и который неизбѣжно приведетъ насъ къ Гиндукушу и Альбурсу, потому что всякая новая линія будетъ вызывать собою основаніе передовой, сначала изъ укрѣпленій, а потомъ изъ станицъ, селеній и городовъ, пока крайняя изъ нихъ не примкнетъ къ какой нибудь естественной, труднопроходимой преградѣ, на окраинѣ степи.

Въ Оренбургскомъ краѣ однако же не сразу послѣдовали сибирскому примѣру. Тамъ до 1840-хъ годовъ продолжала господствовать теорія, что степь нужно держать въ покорности одними летучими отрядами, и эта теорія, очень выгодная для казаковъ, безконтрольно распоряжавшихся въ аулахъ, поддерживалась еще убѣжденіемъ нѣкоторыхъ начальствовавшихъ лицъ, что селить русскихъ среди киргизовъ значитъ отнимать у послѣднихъ лучшія ихъ

кочевки, т. е. раздражать противу Россіи. Свести счетъ, какъ великъ будетъ убытокъ кочевниковъ отъ водворенія нѣсколькихъ русскихъ колоній и какая прибыль получится отъ этихъ колоній для всего государства, въ Оренбургѣ какъ бы не желали. Но какъ между тѣмъ степь нерѣдко волновалась, отъ вліянія Хивы и по другимъ причинамъ, то стоимость снаряженія летучихъ отрядовъ возрасла до огромныхъ суммъ. Наконецъ, главному защитнику отрядной системы, Перовскому, на себѣ пришлось испытать, что такое отсутствіе въ Оренбургской степи передовыхъ русскихъ осѣдлостей. Постоянно коварнымъ поведеніемъ, покровительствомъ степнымъ хищникамъ и содержаніемъ въ тяжкомъ плѣну множества русскихъ, Хива вызвала насъ къ отправленію противу нея большаго военнаго отряда въ 1839 году. Отрядъ этотъ, предводительствуемый лично Перовскимъ, не прошелъ однакоже и половины дороги, какъ потерялъ множество скота, продовольствія и другихъ запасовъ, которыхъ обновить было не откуда. Пришлось со стыдомъ возвратиться назадъ. Тогда-то, но уже при преемникѣ Перовскаго, Обручевѣ, признана была и въ Оренбургѣ необходимость передовыхъ линій, и въ 1845—46 гг. основаны были укрѣпленія Оренбургское и Уральское, или Тургай и Иргизъ.

Два эти укрѣпленія и находившіяся въ Сибирской степи Улу-тау, Акъ тау, Каркаралы, Аягузъ и Копалъ, составили въ 1846 году такую линію, которая имѣла немаловажный экономическій и стратегическій смыслъ. Именно, она ограничивала съ юга почти всѣ лѣтнія кочевки киргизовъ Малой и Средней Орды и, кромѣ того, прилегала съ сѣвера къ той полосѣ безплодныхъ пустынь, которая, подъ именемъ Барсуковъ, Каракумовъ и Бетпакъ-дала, тянется на сѣверѣ отъ Аральскаго моря, Сыра и Чу до самаго Балхаша и отчасти даже восточнѣе его. Генералъ Обручевъ, какъ воинъ наполеоновской школы, считавшій голодныя степи наилучшею защитою государства отъ нашествія враговъ, предлагалъ тогда остановиться въ нашемъ поступательномъ движеніи къ югу, не принимая въ расчетъ того, что киргизы, уходившіе для зимовокъ на Сыръ дарью и за Чу, стали бы двоеданцами. Судьба однако рѣшила иначе. Въ томъ же 1846 году присягнула намъ на подданство Большая киргизская Орда, по ту сторону Балхаша, а въ Оренбургской степи императоръ Николай нашелъ, что вмѣсто предполагавшагося третьяго укрѣпленія на Эмбѣ лучше основать таковое на нижнемъ Сырѣ...

Основаніе Раимскаго укрѣпленія, близъ устьевъ Сыръ-дарьи, привело насъ, въ 1847 году, въ непосредственное соприкосновеніе съ двумя изъ среднеазіятскихъ ханствъ: съ Хивою, которой владѣнія простирались на югъ оттуда, и Коканомъ, который считалъ своими придарьинскія земли, лежавшія на востокѣ. Рано или поздно столкновеніе съ этими ханствами стало, съ того времени, неизбѣжнымъ, хотя бы уже потому, что мы отняли у нихъ часть земель, подати съ придарьинскихъ киргизовъ и пошлины съ переправы черезъ нижній Яксартъ, а, главное, потому, что пріобрѣли точку, которая могла служить опорною для военныхъ предпріятій противу обоихъ ханствъ. Эта неизбѣжность сказалась черезъ самое короткое время. Въ 1852 году мы должны были отправить отрядъ къ сторонѣ коканской крѣпостцы Акъ-мечети, служившей гнѣздомъ безпорядковъ, дѣланныхъ киргизами по наущенію коканцевъ. Отрядъ этотъ оказался слишкомъ слабымъ для овладѣнія крѣпостцею, и потому въ слѣдующемъ году двинутъ былъ въ степь болѣе значительный, который, подъ руководствомъ храбраго и рѣшительнаго генерала Хрулева, взялъ Акъ-мечеть, переименованную вслѣдъ затѣмъ въ фортъ Перовскій. Возникъ цѣлый рядъ укрѣпленій на низовьяхъ Сыра, а въ 1854 году далеко на востокъ оттуда основано было, среди земель Большой орды, укрѣпленіе Вѣрное, черезъ что получились зачатки новой передовой линіи, болѣе или менѣе примыкавшей къ естественнымъ рубежамъ — горамъ и рѣкамъ, — но далеко несомкнутой, потому что отъ Перовска до Вѣрнаго было слишкомъ 700 верстъ пустынь, открытыхъ для вторженія хищниковъ, да кромѣ того между Аральскимъ и Каспійскимъ морями оставались ворота въ 300 верстъ шириною, которыя удобны для набѣговъ въ Оренбургскую степь со стороны Хивы. Послѣднія ворота мы пробовали было наблюдать чрезъ основаніе небольшаго укрѣпленія на восточномъ берегу залива Мертваго Култука; но укрѣпленіе это, по нездоровости мѣста и трудному сообщенію съ нимъ, перенесено было въ 1846 г. на Тюпъ-Караганъ, и ворота для хивинцевъ остались снова вполнѣ открытыми. Стремленіе устроить замкнутую линію къ сторонѣ среднеазіятскихъ ханствъ было совершенно естественно, но его осуществленіе, на этотъ разъ, не могло уже быть такъ просто, какъ прежде въ киргизскихъ степяхъ. Нужно было начать борьбу, прежде всего съ Коканомъ, и она дѣйствительно началась. Уже въ 1859 г. мы ознакомились съ тою частью этого ханства, которая прилежитъ къ землямъ Боль-

шой орды и откуда къ намъ безпрестанно вторгалися дикокаменные киргизы, коканскіе подданные; въ слѣдующемъ году были взяты и разрушены коканскія крѣпосцы за Чу, Токмакъ и Пишпекъ. Вслѣдъ затѣмъ раздвинута къ востоку и сыръ-дарьинская линія, занятіемъ Джулека и Яны-кургана, и вообще началось то движеніе сибирскихъ и оренбургскихъ силъ на встрѣчу, которое, подъ руководствомъ Черняева, привело насъ въ 1864 г. ко взятію Аулье-ата и Чемкента, а въ 1865 — Ташкента.

Всѣмъ памятны событія, послѣдовавшія затѣмъ. Правительство думало остановиться въ ходѣ завоеваній и, ограничась учрежденіемъ сомкнутой линіи на югѣ киргизскихъ степей, предоставило осѣдлымъ жителямъ Ташкента и окрестностей образовать особое ханство, независимое отъ враждебнаго намъ Кокана. Но это оказалось невозможнымъ. Среднеазіятскіе правители, видя русскія войска на своей исторической почвѣ, старались ихъ удалить оттуда, а ташкентцы, хорошо понимая, что лучше добровольно отдаться во власть русскимъ, которые сразу уменьшили налоги, чѣмъ дожидаться новаго завоеванія, которое могло кончиться хуже, избрали ханомъ умѣвшаго пріобрѣсти среди ихъ большую популярность генерала Черняева. Среднеазіятская война продолжалась, и съ 1866 въ число враговъ нашихъ сталъ бухарскій эмиръ, искони бывшій въ дружественныхъ къ намъ отношеніяхъ, такъ что еще въ 1840-хъ годахъ самъ [1]) призывалъ нашихъ ученыхъ къ изслѣдованію его страны. Скоро, именно въ 1866 же году, были взяты нами Ходжентъ и Джизакъ и такимъ образомъ отрѣзаны одно отъ другаго два главныя среднеазіятскія ханства, Бухара и Коканъ. Въ слѣдующемъ году необходимость дать прочное устройство вновь завоеваннымъ странамъ и установить тамъ сильную мѣстную власть съ политическимъ характеромъ, независимую и отъ Оренбурга, и отъ Омска, привела къ учрежденію особаго генералъ-губернаторства, Туркестанскаго, и дѣло поступательнаго движенія въ средней Азіи вступило въ тотъ фазисъ, который продолжается доселѣ и который не можетъ кончиться ничѣмъ инымъ, какъ присоединеніемъ къ Россіи всего Турана до подножія Гиндукуша, Паропамиза и горъ Хорасанскихъ.

Исторія этого новѣйшаго періода русскаго движенія въ Туркестанѣ вѣроятно будетъ обстоятельно изложена въ имѣющемъ

---

[1]) Точнѣе, отецъ современнаго эмира Музаффара, умный Насръ-ула-Эддинъ.

скоро выйдти обширномъ сочиненіи о хивинскомъ походѣ 1873 года. Не мало относящихся сюда любопытныхъ данныхъ русскіе читатели могутъ найти въ трудахъ гг. Костенко и Терентьева о средней Азіи, а знакомые съ англійскимъ языкомъ въ сочиненіи Скайлера, недавно вышедшемъ въ Лондонѣ. Въ нашемъ очеркѣ мы постараемся быть краткими и коснемся лишь такихъ событій, которыя характеризуютъ русское движеніе въ разныхъ частяхъ Турана и ставятъ вопросы для будущаго. Начнемъ это разсмотрѣніе съ запада. Когда власть наша утвердилась въ бассейнѣ Сыра и въ пріаральскихъ степяхъ, тогда стало ясно, что мы не можемъ уже нынѣ отстранять отъ себя, какъ было не только въ XVIII вѣкѣ, но и въ 1859 г., вопроса о Туркменіи, которая составляетъ простое продолженіе этихъ степей. Дѣйствовать на туркменъ съ сѣвера, изъ Оренбурга, или съ сѣверо-запада, отъ Тюпъ-Карагана, гдѣ у насъ существуетъ небольшое укрѣпленіе съ 1846 года, было однако же неудобно, потому что мѣстности эти отдалены отъ кочевьевъ массы туркменъ. Вслѣдствіе этого въ 1869 году былъ основанъ Красноводскъ на той точкѣ восточнаго берега Каспійскаго моря, которая представляетъ наиболѣе удобствъ для приставанія судовъ и которая вполнѣ безопасна отъ нападеній туркменъ, хотя лежитъ невдалекѣ отъ ихъ кочевокъ. Нельзя, конечно, сказать, что Красноводскъ вполнѣ удобный пунктъ для русской колоніи; для послѣдней цѣли гораздо лучше было бы устроиться на устьѣ Гюргени, у Серебрянаго-бугра, гдѣ и предлагали это сдѣлать еще въ 1859 году сами туркмены; но во всякомъ случаѣ этотъ фортъ послужилъ намъ точкою опоры для многихъ важныхъ военно-полическихъ предпріятій, потому что ежегодно изъ него выходили отряды войскъ, то къ сторонѣ Хивы, то къ подножію Кепетъ-дага и къ берегамъ Атрека, изучая страну и ея обитателей, съ которыми мало-по-малу удалось войти въ мирныя сношенія, хотя еще въ 1870 году они пробовали дѣлать открытыя нападенія на наши военные посты. Что успѣхъ увѣнчалъ наши мѣры, видно изъ того, что уже въ 1875 году туркмены сами возили черезъ степь русскую почту въ Хиву, а караваны, приходящіе въ Красноводскъ, всѣ имѣютъ туркменскихъ верблюдовъ и вожаковъ. Это успокоеніе туркменъ, ближайшихъ къ нашей осѣдлости, принесло свою пользу и въ другихъ отношеніяхъ. Оно положило предѣлъ ихъ хищничествамъ на Каспійскомъ морѣ, гдѣ для парализированія его мы уже съ 1842 года содержали морскую станцію въ Астрабадскомъ заливѣ. Оно по-

вело къ признанію недавними врагами нашими прямаго подданства Россіи, потому что часть іомудовъ уже платитъ намъ подати. Оно дозволило намъ въ 1876 г. начать устройство удобной дороги изъ Красноводска въ Хиву. Оно, наконецъ, избавило до нѣкоторой степени отъ постояннаго раззоренія сосѣднюю Астрабадскую провинцію Персіи, которую дотолѣ туркмены постоянно и безпощадно опустошали. Видя выгоду отъ мирныхъ сношеній съ русскими, стали проситься подъ покровительство Бѣлаго царя и тѣ туркмены, которые живутъ вдали отъ Каспійскаго моря (часть текинцевъ по сѣверной сторонѣ Кепетъ-дага). Все, сталобыть, пришло въ тотъ порядокъ, какого только можетъ желать цивилизованная нація, приходя въ прикосновеніе съ полудикими и хищными варварами. Къ сожалѣнію, этотъ благопріятный выводъ относительно судьбы закаспійскаго края значительно ослабляется однимъ обстоятельствомъ, которое создано самими же нами. Когда въ 1869 году мы задумали основать Красноводскъ, въ Тегеранъ дано было знать изъ Петербурга, чтобы персидское правительство не безпокоилось этимъ движеніемъ, что мы признаемъ южнымъ предѣломъ нашей дѣятельности Атрекъ. Это заявленіе, вовсе не вызванное какими-либо домогательствами Персіи, значительно усложнило положеніе наше на восточномъ берегу Каспія. Теперь одни и тѣ же пріатрекскіе туркмены восемь мѣсяцевъ въ году проводятъ на нашихъ земляхъ, а четыре мѣсяца — на такъ-называемыхъ персидскихъ земляхъ, хотя, собственно, персидскія власти къ нимъ почти не показываются. Такое двоедан-ство, разумѣется, имѣетъ крайнія неудобства, которыя, неизвѣстно, какъ будутъ устранены. Ошибка произошла, повидимому, оттого, что мы не знали географическія и этнографическія подробности югозападной Туркменіи; это подтверждается напр. тѣмъ фактомъ, что даже въ 1875 г. изъ Тегерана спрашивали у начальника ашурадинской станціи, какая рѣка сѣвернѣе: Атрекъ или Гюргень. Но избѣжать подобныхъ ошибокъ было легко, потому что еще въ 1836 г. все восточное прибрежье Каспійскаго моря подробно описано Бларамбергомъ, а въ 1859 г. эти свѣдѣнія подновлены Галкинымъ и др. Невыгода теперешней границы по Атреку состоитъ еще въ томъ, что если буквально слѣдовать програмѣ 1869 г., то должно будетъ съ нашей стороны, не ограничиваясь туркменами, признать русскими подданными и часть курдовъ, давнихъ персидскихъ подданныхъ, живущихъ по правую сторону Атрека около Кабушана. Наконецъ при теперешнемъ

положеніи границы, всѣ движенія въ восточную часть туркменской степи, особенно противу враждебныхъ намъ мервскихъ текинцевъ, очень затруднены, не говоря уже про то, что, въ случаѣ необходимости движенія къ Герату, мы должны будемъ имѣть дѣло съ Персіею и даже съ Англіею, которая усердно заботится закрыть для насъ навсегда эту дорогу и въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ выслала не менѣе восьми военныхъ агентовъ для ея изученія.

Переходя на востокъ, къ Хивѣ, мы можемъ быть кратки. Ханство это долго служило источникомъ неурядицъ во всѣхъ нашихъ пріаральскихъ степяхъ и содержало всегда множество русскихъ плѣнниковъ, которыхъ продавали хивинцамъ степные разбойники. Недоступность страны, доказанная неудачею экспедиціи Перовскаго, поощряла Хиву къ упорству въ удовлетвореніи самыхъ законныхъ нашихъ требованій относительно дружески-сосѣдскаго поведенія. Кромѣ того хивинцы знали, что уже въ 1839 г. лордъ Пальмерстонъ обѣщалъ ихъ хану, что за Хиву всегда вступится Англія. Отъ того ханъ позволялъ себѣ небрежно относиться къ заявленіямъ туркестанскаго генералъ-губернатора. Этимъ порядкамъ положенъ конецъ въ 1873 г., послѣ достопамятной экспедиціи генераловъ Кауфмана, Веревкина и Ломакина, поведшей къ занятію Хивы, которая съ того времени сдѣлалась почти вассальнымъ владѣніемъ Россіи, состоящимъ подъ строгимъ надзоромъ нашихъ военныхъ начальствъ на правомъ берегу Аму-дарьи, который присоединенъ къ Россіи. Завоевавъ Хиву, мы не присоединили ея только потому, что предварительно нами было обѣщано Англіи не уничтожать самостоятельности этого ханства, которое еще въ 1871 году искало защиты у англичанъ. Впрочемъ полунезависимость Хивы, вмѣсто полнаго подчиненія, не только не представляетъ для насъ неудобствъ, а имѣетъ еще пока и выгодную сторону, потому что отстраняетъ отъ непосредственныхъ нашихъ владѣній на Оксѣ удары туркменовъ, которые, если совершаются, падаютъ на заслоняющую насъ Хиву. Кромѣ того, Хива, продолжая считаться самостоятельною, платитъ намъ довольно значительную контрибуцію, которой сборъ лежитъ на мѣстныхъ, а не на нашихъ властяхъ. Сверхъ того замѣтимъ, что сосѣдство русскихъ значительно измѣнило къ лучшему бытъ самихъ хивинцевъ. Обязанные въ 1870 году отпустить на свободу всѣхъ плѣнныхъ рабовъ, къ какой бы націи тѣ ни принадлежали, они нынѣ уже не торгуютъ людьми, какъ скотомъ. Въ сознаніи пользы отъ мирныхъ торговыхъ сношеній съ Россіею,

Хива даже сама помогаетъ намъ устроить сообщеніе низовьевъ Окса съ Каспійскимъ моремъ у Красноводска. Ханъ во внутреннихъ своихъ дѣлахъ намъ многимъ обязанъ; наши войска помогли ему упрочить власть надъ туркменами, живущими по окраинамъ ханства.

Бухара съ 1868 года низведена нами съ той, сравнительно высокой степени могущества, на которой она стояла въ средней Азіи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Важнѣйшій ударъ нанесенъ ей въ 1868 году отнятіемъ Самарканда; послѣ этого намъ стало нетрудно лишить бухарцевъ самой возможности ихъ существованія въ долинѣ Заравшана, черезъ распущеніе воды его въ арыки, недоходящіе до бухарскихъ предѣловъ. Самая программа политическаго существованія Бухары, какъ отдѣльнаго владѣнія, дана нами ей въ видѣ двухъ договоровъ, 1868 и 1873 годовъ, которые опредѣлили ея подчиненное отношеніе къ Россіи, не лишая впрочемъ внутренней самостоятельности эмирова правительства. Объ этихъ договорахъ и о всѣхъ вообще, заключенныхъ нами съ среднеазіятскими ханствами, слышатся иногда скептическіе отзывы, доказывающіе ихъ безполезность, потому будто, что среднеазіятцы не понимаютъ европейскаго международнаго права, а покоряются только силѣ. Но никто и не смотритъ на эти акты, какъ на договоры равнаго съ равнымъ. Это суть инструкціи въ вѣжливой формѣ, или программы, которыя даются цивилизованнымъ побѣдителемъ побѣжденнымъ варварамъ и исполненіе которыхъ непремѣнно обезпечивается близкимъ присутствіемъ военной силы. Если же не всѣ пункты этихъ договоровъ всегда строго исполняются, какъ доказалъ напр. г. Скайлеръ, купивъ въ Бухарѣ невольника; то это доказываетъ не безполезность договоровъ, а только трудность наблюденія за ихъ исполненіемъ. Эта трудность съ теченіемъ времени, напр. съ увеличеніемъ числа русскихъ въ Бухарѣ, можетъ уменьшиться. Наши дѣйствія по отношенію къ Бухарскому ханству преслѣдуютъ, въ послѣдніе годы, три важнѣйшія цѣли: усиленіе торговыхъ связей съ нимъ, успокоеніе приграничныхъ земель отъ волненій кочевниковъ и устраненіе вредныхъ намъ вліяній на эмира съ юга, изъ-за Гиндукуша. Цѣли эти достигаются болѣе или менѣе, хотя конечно мы не можемъ препятствовать эмиру сноситься съ Афганистаномъ или водворять насильно русскихъ купцовъ въ Бухарѣ или Шехрисябсѣ, если они сами не находятъ этого выгоднымъ. Мы не стѣснили бухарскаго правительства относительно числа войскъ, которое оно можетъ

держать, какъ то нерѣдко дѣлается англичанами въ Индіи; но это лишь потому, что бухарскія войска совершенно ничтожны, и можно сказать, что чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ ханство станетъ слабѣе, потому что казна эмира будетъ нести непосильные расходы въ мирное время, а въ военное одного пораженія будетъ достаточно, чтобы положить конецъ существованію истощеннаго государства. Что бухарское правительство хорошо понимаетъ силу наложенныхъ на него обязательствъ, это доказывается множествомъ примѣровъ, и мы приведемъ здѣсь лишь одинъ, но очень вѣскій. Получивъ отъ насъ, въ благодарность за содѣйствіе хивинскому походу, участокъ мало годной земли на правомъ берегу Аму-дарьи и обязавшись при этомъ выстроить на Оксѣ укрѣпленіе для присмотра за туркменами, оно исполняетъ это обязательство, не смотря на его убыточность. Бухарское правительство даже на столько искренно дорожитъ благорасположеніемъ къ нему Россіи, на столько старается сблизиться съ нею, что эмиръ недавно отдалъ св его сына на воспитаніе въ Петербургъ. До времени, намъ можно только желать продолженія подобныхъ отношеній, потому что самостоятельность Бухары предохраняетъ насъ отъ непосредственнаго сосѣдства съ Афганистаномъ, отношенія къ которому еще не опредѣлились, котораго населеніе воинственно и который находится подъ вліяніемъ Англіи.

На юго-востокѣ отъ Бухары, въ гористой странѣ, орошаемой притоками верхняго Окса, находится группа мелкихъ государствъ, съ которыми мы до послѣдняго времени не имѣли никакихъ сношеній, хотя всѣ они лежатъ въ предѣлахъ Турана. Государства эти, начиная съ сѣвера, суть: Каратегинъ, Дарвазъ, Шигнанъ, Ваханъ и Бадакшанъ. На ряду съ ними еще недавно можно было поставить бывшія вассальныя владѣнія бухарскаго эмира: Андху, Шибарханъ, Сирипуль и Майменэ, которыя занимаютъ оазисы у подножія Паропамиза и мало-по-малу перешли въ зависимость отъ афгановъ. Въ томъ, что мы можемъ сказать о нихъ, мы вынуждены руководствоваться, къ сожалѣнію, большею частью, за исключеніемъ Каратегина, одними англійскими источниками, такъ-какъ русскихъ почти нѣтъ совсѣмъ. Владѣніе Каратегинъ, лежащее по рѣкѣ Сурхабу, самому сѣверному изъ большихъ истоковъ Окса, какъ говорятъ, имѣетъ до 100.000 населенія, окружено и перерѣзано горами и въ послѣдніе годы служило предметомъ интригъ Бухары и Кокана, которые искали утвердить тутъ свое вліяніе. Съ присоединеніемъ Кокана къ русскимъ вла-

дѣніямъ, каратегинскій ша (государь) понялъ, что ему нужно искать покровительства русскихъ, и это заискиваніе уже началось, такъ-какъ каратегинцы не допустили къ себѣ одного изъ враждебныхъ вождей коканской инсуррекціи 1875 года. Съ Дарвазомъ и Шигнаномъ, мы не имѣли доселѣ никакихъ связей и, слѣдовательно, свободны отъ всякихъ, относительно ихъ, обязательствъ; но недавнее движеніе наше на Алай и Памиръ, гдѣ киргизы, хозяева страны, признали себя нашими подданными, приводитъ насъ уже въ соприкосновеніе съ этими мелкими государствами, которыхъ властители ведутъ свой родъ отъ Александра Македонскаго. Кулябъ, подобное же мелкое владѣніе, долго существовавшее на западѣ отъ Дарваза, нынѣ составляетъ бухарскую провинцію; но бывшій владѣтель его, Сары-бекъ, находится въ Кабулѣ и добивается отъ Ширъ-Али хана содѣйствія афганскихъ войскъ для возвращенія на родину, что̀ можетъ подать поводъ къ довольно труднымъ политическимъ комбинаціямъ, тѣмъ болѣе, что съ другой стороны бухарцы могутъ добиваться отъ афгановъ возвращенія имъ Андхоя и пр. Едва ли можно сомнѣваться, что этими компликаціями воспользуется Англія, чтобы вновь вмѣшаться въ среднеазіятскія дѣла, къ нашей невыгодѣ, какъ было въ 1869—73 годахъ. Ваханъ есть маленькое государство по самымъ верховьямъ Окса, или по Сарьхяду и Пянджу. На его земляхъ находятся важнѣйшіе проходы изъ Аральскаго водоема въ бассейнъ Лобъ-нора, черезъ Памиръ; поэтому землица эта имѣетъ важное значеніе, и бывшій нашъ посолъ въ Лондонѣ, гр. Бруновъ, настойчиво добивался, чтобы она не подпала подъ вліяніе Афганистана, хотя бы только номинально, ибо это обстоятельство привело бы въ непосредственное прикосновеніе два большія мусульманскія государства, Афганистанъ и Джитышаръ, которыхъ дружественное расположеніе къ намъ сомнительно. Мы однако же уступили настояніямъ Англіи, хотя чисто фиктивно, потому что въ дѣйствительности памирскіе проходы не находятся еще въ зависимости ни отъ Якубъ-бека, ни отъ Ширъ-Али, успѣвшаго занять только Бадакшанъ. Послѣднее государство, еще въ 1874 году имѣвшее своего природнаго владѣтеля, въ лицѣ скитающагося нынѣ по Азіи Джегандаръ-шаха, есть, безъ сомнѣнія, самое важное изъ всѣхъ среднеазіатскихъ въ политическомъ отношеніи. Безъ овладѣнія имъ и устройства тамъ русской колонизаціи, мы никогда не въ состояніи будемъ ручаться за миръ въ Туркестанѣ и даже за прочность нашего тамъ господства. Оно

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

занимаетъ наиболѣе цвѣтущую мѣстность въ бассейнѣ Окса и способно кормить многочисленное населеніе. Только владѣя имъ, мы можемъ повелѣвать сѣверными предгорьями Гиндукуша и проходами черезъ этотъ хребетъ въ долину Кунара, гдѣ лежатъ Читралъ и Мастучъ, донынѣ упорно сохраняющіе независимость отъ афгановъ, а слѣдовательно и отъ англичанъ. Къ сожалѣнію, съ 1874 года Бадакшанъ находится подъ властію эмира кабульскаго, хотя жители его, персіяне или таджики, ненавидятъ афганцевъ. И какъ завоеваніе это сдѣлано по наущенію Англіи и отчасти на ея средства, то въ будущемъ мы должны предвидѣть много хлопотъ. А между тѣмъ, повторимъ, безъ Бадакшана русскіе должны считать себя въ средней Азіи какъ бы временными гостями, не имѣющими прочной осѣдлости и не могущими даже устроить таковую. Бадакшанъ, Кундузъ и Балхъ въ рукахъ эмира афганскаго, находящагося въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Англіи,— это тѣ передовые посты англичанъ, изъ которыхъ они выражаютъ твердое желаніе „защищать Индію помощью туркменскихъ шаекъ, хорошо вооруженныхъ и руководимыхъ искусными офицерами“, то-есть не давать Россіи покоя въ ея среднеазіатскихъ владѣніяхъ и истощать ея средства на подавленіе мятежей.... Какъ исторія рѣшитъ бадакшанскій вопросъ, мы, конечно, предсказывать не можемъ; но нельзя, по поводу его, не выразить удивленія къ дальновидности британской политики.

Почти то же значеніе, какъ Бадакшанъ и Ваханъ, имѣютъ Андхой, Сирапуль, Шибарханъ и Майменэ, лежащіе вдоль дороги изъ Балха къ Герату. Эти мелкія узбекскія землицы составляютъ послѣдніе оазисы на южныхъ предѣлахъ степной туранской низменности, у самаго подножія Паропамиза. Замѣнить ихъ какими-либо другими годными для осѣдлаго населенія мѣстностями, при будущемъ основаніи единственно-прочной государственной границы нашей на югѣ, невозможно. А между тѣмъ и съ ними случилось то же, что съ Бадакшаномъ. Не принимая въ соображеніе того, что еще въ половинѣ нашего вѣка на нихъ распространялась власть Бухары, и что Майменэ еще въ 1863 году была независима отъ афганцевъ, и, по свидѣтельству Вамбери, гордилась этимъ, мы признали, при переговорахъ въ 1873 г. графа Шувалова съ лордомъ Грэнвилемъ, права на нихъ Афганистана, который однакоже озаботился покореніемъ Майменэ не ранѣе 1875 года. Если этому факту, неблагопріятному для нашего будущаго утвержденія въ Туранѣ, можно придавать меньше значенія, чѣмъ уступкѣ

Бадакшана, то это лишь потому, что едва ли когда афганцамъ удастся прочно утвердиться въ этихъ оазисахъ, имѣющихъ населеніе изъ узбековъ и таджиковъ, нерасположенныхъ къ афганскому господству. Кромѣ того, между Андхоемъ, Майменэ и пр., съ одной стороны, и собственно Афганистаномъ съ другой, лежатъ гористыя земли, занятыя хезарейцами, джемшидами, кипчаками, монголами, фирузкухами и др., которые всѣ не любятъ афгановъ. Наконецъ и туркменское населеніе степи къ сѣверу отъ подгорныхъ оазисовъ нерасположено къ послѣднимъ, такъ что еще въ 1874 г. помогало противнику Ширъ-Али-хана кабульскаго, мятежному сыну его Якубу.

Исторія завоеванія Кокана, остававшагося независимымъ послѣ отнятія у него въ 1853 — 65 годахъ большей части его земель, очень проста. Жестокій и корыстолюбивый властитель его, Худояръ-ханъ, чтобы спасти хотя на время свой шаткій тронъ, не только подчинился вполнѣ, съ 1867 года, вліянію Россіи, но и усердно служилъ ея интересамъ, такъ что былъ награжденъ русскимъ орденомъ и представленъ даже, со стороны туркестанскаго генералъ-губернатора, къ титулу высочества, въ замѣнъ титула высокостепенства, принятаго у насъ для среднеазіятскихъ властителей. Онъ не препятствовалъ изученію русскими Кокана ни въ естественно-историческомъ, ни въ промышленномъ отношеніяхъ; для того, чтобы лучше угождать русскимъ властямъ, онъ держалъ въ Ташкентѣ особаго агента, въ лицѣ ловкаго мирзы Хакима, во многомъ освоившагося съ европейскими формами жизни. Какъ бы чувствуя, что дни его господства сочтены, Худояръ все свое вниманіе обратилъ на обогащеніе своей личной казны всѣми правдами и неправдами. Эта жадность и крайняя жестокость хана возбудили противъ него все населеніе, особенно кипчаковъ, съ которыми у него были давніе счеты. Возставшіе кочевники, подъ предводительствомъ одного изъ бывшихъ любимцевъ хана, Абдеррахмана-автобачи, низвергли Худояра, и онъ долженъ былъ бѣжать въ русскіе предѣлы. Затѣмъ, хотя подъ нашимъ вліяніемъ и провозглашенъ былъ ханомъ законный наслѣдникъ Худояра, Сеидъ, но онъ долго удержаться не могъ. Многіе коканскіе и киргизскіе патріоты, приписывая зло безпорядковъ въ ихъ странѣ русскимъ, не разъ вторгались въ наши предѣлы и этимъ вызвали строгое возмездіе, концомъ котораго было присоединеніе Коканскаго ханства къ Россіи, подъ именемъ Ферганской области. Въ настоящее время, совершается послѣдній актъ этого присоединенія

чрезъ усмиреніе непокорныхъ горныхъ киргизовъ, которые особенно многочисленны въ восточныхъ частяхъ области, и это новое поступательное наше движеніе уже привело насъ къ Памиру, къ озеру Каракулю. Худояръ же ханъ и его преемникъ вывезены въ Европейскую Россію, такъ что теперь въ средней Азіи остался лишь одинъ замѣтный представитель бывшей независимости Кокана, Абдулъ-Гафаръ, который успѣлъ убѣжать въ Афганистанъ и оттуда проникнуть въ Индію.

На юго-востокѣ отъ Кокана, за Небесными горами, лежитъ послѣднее государство Средней Азіи, о которомъ умѣстно упомянуть въ нашемъ очеркѣ. Это государство—Джитышаръ или Восточный Туркестанъ, который созданъ коканскимъ уроженцемъ Якубъ-бекомъ на развалинахъ власти китайцевъ. Государство это образовалось недалѣе 10—12 лѣтъ назадъ, вслѣдствіе возстанія мѣстнаго мусульманскаго населенія противу власти китайцевъ-язычниковъ,—одного изъ тѣхъ возстаній, которыя уже нѣсколько разъ повторялись со времени завоеванія Малой Бухаріи войсками Фудэ и другихъ китайскихъ генераловъ въ 1757 году. Въ первое время инсуррекціи, т. е. въ 1863—68 г., мы почти совсѣмъ не обращали вниманія на ходъ дѣлъ въ бассейнѣ Тарима и считали, что *de jure* все же это китайская земля, относительно которой у насъ даже есть трактатъ съ пекинскимъ правительствомъ, допускающій свободную русскую торговлю въ Кашгарѣ. Въ 1868 г. явился къ туркестанскому генералъ-губернатору довѣреннымъ агентомъ счастливаго основателя новой мусульманской монархіи племянникъ его Шади-мирза, чтобы увѣрить русскихъ въ дружбѣ и снискать расположеніе Россіи. Находясь въ вѣковыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Китаю, мы не придали этому посольству большаго значенія, и Шади-мирза, хотя побывалъ въ Петербургѣ, но вернулся домой ни съ чѣмъ. Въ 1872 году однако заключенъ былъ съ нимъ договоръ о торговлѣ, естественно доставившій ему большое удовольствіе, потому, что этимъ самымъ уже признавался онъ со стороны Россіи самостоятельнымъ государемъ, а не бунтовщикомъ противу китайцевъ, стоявшимъ внѣ области международнаго права. Договоръ принесъ пользу и намъ, потому что съ того времени русскіе купцы могли спокойно отправляться въ Кашгаръ и даже въ Яркентъ; это нѣкоторые изъ нихъ и дѣлали, хотя собственно правильной, постоянной торговли у насъ въ Джитышарѣ нѣтъ. Что Якубъ бекъ серьезно понялъ обязательства, наложенныя на него договоромъ, видно

напр. изъ случая уплаты имъ безпрекословно 15,000 рублей за убытки, нанесенные нашимъ купцамъ въ Кашгарѣ дѣйствіями его чиновниковъ. Для пріобрѣтенія возможно прочнаго расположенія къ себѣ русскаго правительства, повелитель Джитышара отправлялъ въ 1874 году особое посольство въ Петербургъ, гдѣ оно было ласково принято и одарено, а самому Якубу отправлены подарки отъ двора съ особымъ офицеромъ. Но не смотря на эти пріязненныя сношенія, кашгарскій эмиръ въ душѣ не любитъ Россіи, потому что боится ея. И въ самомъ дѣлѣ, Россія есть единственное государство, которое можетъ разрушить созданную имъ монархію или держать ее постоянно на уровнѣ ничтожества. Китайцы такъ ослабѣли въ притяньшаньскихъ странахъ, что Якубъ-бекъ можетъ не считать ихъ опасными врагами; англичане далеко, за Гималаями, да и относятся они къ повелителю Джитышара весьма дружелюбно: они заключили съ нимъ договоръ, снабдили его хорошимъ оружіемъ, военными техниками и инструкторами и наконецъ торжественно признали за нимъ титулъ эмира, тогда какъ прежде онъ скромно назывался бадаулетомъ (счастливцемъ) или аталыкомъ-гази (поборникомъ вѣры), да и то лишь въ силу письма эмира бухарскаго. О сосѣдяхъ на западѣ, мелкихъ горныхъ владѣтеляхъ Памирскаго нагорья, и говорить нечего: они сами боятся Якубъ-бека, и одинъ изъ нихъ, Алифъ-бекъ сирикольскій, заплатилъ потерею престола за попытку не слушаться кашгарскаго бадаулета еще въ 1868 году. Только Россія является препоною честолюбивому эмиру въ его стремленіи основать большое мусульманское государство въ средней Азіи, и онъ безпрестанно оглядывается на нее. Съ нашей стороны, конечно, нѣтъ никакого основанія содѣйствовать осуществленію его видовъ и, напротивъ, должно желать, чтобы расширенію его могущества былъ наконецъ положенъ предѣлъ. Всего бы лучше, повидимому, было содѣйствовать китайцамъ въ нанесеніи ему хорошаго удара съ востока, для чего достаточно упрочить ихъ положеніе въ Чжунгаріи и Хами и снабдить ихъ оружіемъ и другими военными запасами. Китайцы — сосѣди испытаннаго миролюбія и притомъ имѣютъ одинаковый съ нами интересъ въ средней Азіи: сдерживать волненія номадовъ, столь вредныя для ихъ осѣдлыхъ сосѣдей. Ихъ сосѣдство въ Кашгарѣ было бы для насъ выгодно уже потому, что заслонило бы насъ отъ сѣверной Индіи, откуда идутъ не только многія непріязненныя намъ внушенія Якубъ-беку, но и оружіе, далеко превосходящее луки со стрѣлами

и фитильныя ружья среднеазіятцевъ, благодаря которымъ они не могли намъ пока оказывать серьезнаго сопротивленія. Г. Скайлеръ предвидитъ, рано или поздно, борьбу Кашгаріи съ Россіею и полагаетъ, что послѣдняя покоритъ весь Джитышаръ, чтобы провести свою границу у сѣверной подошвы Кунь-Луня; но намъ кажется, что это было бы совершенно противно ея интересамъ. Наша теперешняя граница, по Тянь-Шаню, лучше уже потому, что совершенно опредѣлительна и недоступна, тогда какъ Джитышаръ не имѣетъ естественныхъ предѣловъ съ востока. Кромѣ того, Россія уже сдѣлала столько завоеваній въ мусульманской Азіи, что можетъ желать только одного: не увеличивать безъ необходимости числа своихъ магометанскихъ подданныхъ, да еще такихъ безпокойныхъ людей, какими всегда оказывались обитатели восточнаго Туркестана.

Чтобы заключить нашъ очеркъ поступательнаго движенія Россіи въ средней Азіи и въ частности политическій отдѣлъ его, намъ остается сказать нѣсколько словъ объ одномъ, уже не азіятскомъ, а европейскомъ государствѣ, имя котораго не разъ было произнесено и котораго вліяніе не разъ оказывалось на самомъ нашемъ движеніи. Государство это — Англія. Что англичане опасаются за потерю своихъ владѣній въ Индіи, что они ожидаютъ толчка къ паденію этого могущества со стороны Россіи, это такія общеизвѣстныя истины, что здѣсь незачѣмъ ихъ повторять. Но напомнимъ нѣсколько фактовъ, показывающихъ, какъ далеко простирается непріязнь Англіи [1]) къ Россіи и какъ неутомима первая въ своихъ происках противу послѣдней. Въ концѣ 1830 годовъ мы вынуждены были предпринять хивинскій походъ. Лордъ Пальмерстонъ немедленно увѣдомилъ хивинскаго хана, что завоеваніе его владѣній русскими послужитъ поводомъ

---

[1]) Едва ли совершенно правильно говорить вообще объ непріязни Англіи, (т. е., всего англійскаго общества) къ Россіи, — въ особенности въ настоящее время, когда мы слышимъ сочувственные намъ голоса такихъ людей, какъ гг. Гладстонъ, Форстеръ, Фриманъ, Брайтъ и мног. др., и по такому жгучему англійскому вопросу, какъ восточный. Относительно среднеазіятскихъ дѣлъ также высказывались въ Англіи, въ самыхъ просвѣщенныхъ ея сферахъ, мнѣнія, весьма дружественныя Россіи. Не только нельзя не надѣяться, но можно быть увѣреннымъ, что невѣжественныя и рутинныя предубѣжденія англичанъ противъ такъ называемой завоевательной русской политики рано или поздно рушатся. Надъ ними непремѣнно возъимѣютъ верхъ просвѣщенныя и прогрессивныя понятія людей, подобныхъ тѣмъ, которыхъ мы выше назвали. Эта увѣренность наша, конечно, не исключаетъ возможности въ ближайшемъ будущемъ политическихъ недоразумѣній, расположаемыхъ отсталыми политическими воззрѣніями лорда Биконсфильда.

Ред.

къ объявленію Англіею войны Россіи. Въ другой странѣ, именно въ Персіи, около того же времени англичане прямо противодѣйствовали союзному Россіи персидскому шаху въ завоеваніи Герата, который былъ защищаемъ англійскимъ офицеромъ Поттинджеромъ и спасенъ, отъ завоеванія персидскою арміею, англійскимъ посланникомъ Макъ-Нейлемъ. Въ 1857 году англичане, занятые въ то время усмиреніемъ сипайскаго бунта и войною съ Китаемъ, не затруднились объявить войну и Персіи, какъ только она снова покусилась на Гератъ, и заставили ее разъ навсегда отказаться отъ домогательствъ на эту землю, потому что отъ персіянъ она, по ихъ мнѣнію, непремѣнно перейдетъ къ русскимъ. Въ 1869—73 годахъ британское правительство вело долгіе переговоры съ нашимъ правительствомъ о созданіи нейтральной полосы между нашими среднеазіятскими владѣніями и Индіею; но подъ именемъ этой *нейтральной* полосы оно разумѣло владѣнія вассальнаго ему эмира кабульскаго, который, за субсидію въ 120,000 ф. стерлинговъ въ годъ, обязанъ содержать войска, способныя отразить нашествіе русскихъ. Къ этой нейтральной полосѣ англичане всѣми мѣрами старались причислить не только собственно-афганскія земли, но и мелкія узбекскія и таджикскія владѣнія къ сѣверу отъ Гиндукуша и по верховьямъ Окса. Въ 1874 г. они снабдили Якубъ-бека кашгарскаго цѣлою массою инструкторовъ, военныхъ техниковъ, запасомъ оружія и пр. Въ 1874—75 годахъ подобнымъ же запасомъ снабжена была часть туркменъ, враждебныхъ Россіи, а еще задолго до того по вліянію Англіи на персидское правительство послѣднее вздумало было потребовать, чтобы русскіе билеты туркменамъ на право свободнаго плаванія по Каспійскому морю выдавались лишь съ согласія астрабадскаго губернатора. Наконецъ, англійская печать въ Индіи прямо высказалась въ послѣдніе годы, что „охранять эту страну отъ нашествія русскихъ слѣдуетъ помощію туркменскихъ шаекъ, хорошо вооруженныхъ и руководимыхъ искусными офицерами“, то-есть что должно не обороняться отъ Россіи, а нападать на нее, только чужими руками. Самыя, повидимому, дружелюбныя заявленія англійской печати, — не говоря уже про такіе горячіе памфлеты, какъ „England and Russia in the East“ Роулинсона, — наполнены оскорбительными или коварными замѣчаніями о Россіи. Times, самый могущественный органъ британскаго общественнаго мнѣнія, нерѣдко поощряетъ русское движеніе въ Азіи, находя его благодѣтельнымъ для тамошнихъ на-

родовъ. Эта газета „съ точки зрѣнія цивилизаціи“ была бы рада, если бы Россія овладѣла всѣми среднеазіятскими пустынями до Великой Стѣны и Гималая; англійская политика въ Китаѣ къ тому и направлена, чтобы Срединное царство, ослабѣвъ, лишилось своихъ застѣнныхъ владѣній, которыя бы такимъ образомъ пришлось взять Россіи. Цѣль тутъ одна: ослабить русское государство возложеніемъ на него истощающаго, непосильнаго бремени владѣть ничего непроизводящими степями и безпокойнымъ ихъ населеніемъ, что, по мнѣнію англичанъ, будетъ прочнѣйшею гарантіею ихъ могущества въ Индіи и вообще въ южной Азіи.

На сколько предубѣжденіе англичанъ и истекающая изъ нихъ политика долговѣчны, предвидѣть, разумѣется, невозможно, но что эта политика не вызвана никакими замыслами относительно Индіи со стороны Россіи, въ этомъ едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе. Примѣръ казачьяго похода 1801 года никакъ не можетъ служить доказательствомъ видовъ современной Россіи уже потому только, что эта Россія въ 75 лѣтъ ушла далеко впередъ по своему политическому развитію и предусмотрительности. Доказательствъ этому можно привести много. Напомнимъ одно. Въ 1857 году, послѣ крымской войны, нѣкоторыми лицами въ Тифлисѣ и Петербургѣ были составлены два проекта возмездія англичанамъ въ Индіи, что было въ то время очень возможно, потому что Англія вела одновременно войну съ Персіею, съ Китаемъ и съ собственными взбунтовавшимися солдатами; между тѣмъ оба эти проекта остались безъ малѣйшихъ послѣдствій. И въ наше время, не смотря на необходимость и нетрудность для насъ занять южную окраину Туркменіи, это движеніе не исполняется, чтобы не возбудить напрасныхъ волненій въ англійской Индіи. Быть можетъ, время принесетъ коренное измѣненіе въ убѣжденіяхъ англичанъ, и тогда обѣ великія европейскія націи пойдутъ навстрѣчу одна другой въ Азіи не съ горькими подозрѣніями и укоризнами, а съ довѣріемъ и пріязнію, какъ исполнители *одной* исторической задачи — цивилизовать далекій Востокъ. Но скоро ли наступитъ это время? Россія, во всякомъ случаѣ, не ожидая его, должна исполнить *свое* призваніе: занять Туркестанъ сполна. Это, безъ сомнѣнія, окажется не безполезнымъ и въ томъ отношеніи, что заставитъ Англію быть сдержаннѣе на другихъ поприщахъ всемірной политики, на которыхъ она постоянно противодѣйствуетъ видамъ Россіи.

Закончимъ нашъ очеркъ краткимъ обращеніемъ къ читателю. Задача нашей работы заключалась не въ томъ, чтобы представить полную картину положенія Россіи въ средней Азіи или дать какія-нибудь *новыя* подробности о немъ. Это было невозможно по самому объему статьи, заранѣе опредѣленному. Но изложить вкратцѣ самые выдающіеся факты изъ исторіи нашего поступательнаго движенія въ западной половинѣ среднеазіятскихъ пустынь, коснуться наиболѣе важныхъ вопросовъ современности, изъ области международнаго, государственнаго, полицейскаго и частію даже гражданскаго права, указать на нѣсколько успѣховъ и промаховъ нашей экономической и политической дѣятельности въ степяхъ и въ Туркестанѣ — все это было цѣлью, которой мы старались по возможности достигнуть.

Парижъ, октябрь 1876.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 февраля 1877 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП. (ВАС. ОСТР., 8 л., д. № 45).